

Глава 5. Состояние исконной среды обитания коренного населения АЗРФ

5.1. Общая характеристика

5.2. Расселение, этнический состав и демографическая характеристика коренного населения АЗРФ

5.3. Характеристика природных и антропогенных факторов, влияющих на состояние исконной среды обитания коренного населения АЗРФ

5.4. Оценка воздействия негативных антропогенных и природных факторов на состояние здоровья и демографические показатели коренного населения АЗРФ

5.5. Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера (далее - КМНС)

5.6. Оценка воздействия негативных антропогенных и природных факторов на традиционное природопользование КМНС

5.7. Проблемы сохранения объектов историко-культурного наследия коренных народов

5.1. Общая характеристика

АЗРФ характеризуется экстремальными природно-климатическими условиями. Тем не менее, судя по археологическим данным, АЗРФ была освоена человеком в плейстоцене, в эпоху древнего каменного века. На стоянке Берелех, на левом притоке Индигирки, 71° с.ш. были найдены палеолитические орудия, кости мамонта, шерстистого носорога, а также изображение мамонта на бивне, радиоуглеродная датировка которых 12-13 тыс. лет (Мочанов.1977). В Западной Сибири также обнаружено несколько стоянок, на которых были найдены орудия древнего человека и кости мамонта.

После Валдайского (Сартанского в азиатской части Евразии) оледенения в эпоху голоцена, Арктика характеризуется археологическими памятниками эппалеолита и мезолита. В это время АЗРФ довольно плотно населяли племена охотников, рыболовов, морских зверобоев, собирателей (Симченко, 1976; Хлобыстин, 1998). На рубеже I-II тысячелетия н.э. на территории АЗРФ появляется оленеводство (Троицкая, 2004).

Численность населения на Российском Севере и в Сибири за последние 80 лет (по сравнению с данными переписи 1926 г.) увеличилась с 1,3 млн. человек до 34,3 млн. человек. При этом в арктической и субарктической зонах России численность населения увеличилась в 10 раз, в основном за последние 30-40 лет в связи с реализуемыми проектами добычи и транспортировки углеводородного сырья и других полезных ископаемых на суше и в шельфах арктических морей.

В Арктической зоне РФ живет и работает всего около 1 млн. человек, в том числе более 150 тыс. представителей 17 коренных малочисленных народов.

Эти народы ведут кочевой и полукочевой образ жизни, связанный с традиционными видами природопользования: оленеводством, охотой, рыболовством, морским зверобойным промыслом, собирательством и т.д. На протяжении веков эти народы заселяли и обживали огромные районы севера Евразии, и в настоящее время расселены от Кольского полуострова на западе до Чукотки на востоке, осваивая возобновляемые природные ресурсы тундры и лесотундры. Вся материковая и островная часть евразийской Арктики является традиционным местом обитания и природопользования коренных малочисленных народов Севера.

Кроме них на российском Севере, преимущественно в сельской местности, проживают также потомки старожильческого славянского и неславянского населения. Это - коми, карелы, якуты, поморы, марковцы, гижигинцы и другие метисные потомки русских первопроходцев Сибири, живущие на севере Сибири более 300 лет. Эти народы и этнические группы не имеют статуса коренных малочисленных народов, но в большинстве своем ведут такой же, как и коренные народы, образ жизни, и их благосостояние полностью зависит от состояния окружающей среды, т.е. состояния мест охоты, рыбалки, собирательства, огородничества.

Среди некоренного населения, появившегося в российской Арктике в XX в., доля горожан составляет около 80%, а остальные живут в поселениях сельского типа и пытаются улучшить свое благосостояние за счет приусадебных огородов, охоты, рыбной ловли, собирательства, т.е. приближаются по своему образу жизни к коренному и старожильческому населению и конкурируют с ним в отношении доступа к традиционным природным ресурсам.

У коренного населения доля городского населения составляет менее 25%, т.е. более 75% представителей коренных народов сосредоточены в сельской местности. А большинство горожан из числа коренных народов тесно связаны со своими сельскими родственниками и стремятся пополнить свой рацион традиционными продуктами за счет сезонных занятий традиционными видами деятельности, выезжая на родовые земли для охоты, рыбалки, собирательства.

5.2. Расселение, этнический состав и демографическая характеристика коренного населения АЗРФ

5.2.1. Расселение, этнический состав, современные социально-экономические условия

При рассмотрении вопросов расселения, этнического состава и численности коренного населения АЗРФ необходимо учитывать, что большинство представителей коренных малочисленных народов ведут кочевой и полукочевой образ жизни и совершают ежегодные кочевки из зон Арктики в Субарктику и обратно. По этой причине в ряде случаев при проведении анализа использованы статистические данные по некоторым субарктическим территориям.

В АЗРФ ведут традиционный образ жизни 17 коренных малочисленных народов (саамы, ненцы, ханты, манси, селькупы, кеты, энцы, нганасаны, долганы, эвенки, эвены, юкагиры, чукчи, эскимосы, керекы, чуванцы и коми-ижемцы). Хотя тундровые оленеводы коми-ижемцы пока не включены в официальный перечень, по данным последней переписи, учтено более 16 тыс. представителей этой особой группы народа коми, и Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН в 2006 г. рекомендовал включить коми-ижемцев как самостоятельную этническую группу в официальный перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (Мурашко. 2007). Общая численность всех перечисленных коренных народов, населяющих Арктику, составляет более 150 тыс. человек.

Официальные данные о численности коренных малочисленных народов Севера, ведущих традиционное природопользование в АЗРФ, их численность и расселение по отдельным федеральным округам и субъектам Российской Федерации представлены ниже по итогам последней Всероссийской переписи населения 2002 г.

Таблица 1. Численность коренных малочисленных народов Севера и иного населения в регионах Арктики и Субарктики по субъектам Российской Федерации¹ (по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г.)

	Общая численность населения (чел)	Численность коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока	
		Всего	В процентах к общей численности
Российская Федерация	145 166 731	243982	0,2
<i>в том числе:</i>			
<i>Северо-Западный федеральный окр.</i>			
<i>Республика Коми</i>	1 018 674	807	0,1
<i>Архангельская область</i>	1 336 539	8 326	0,6
<i>Ненецкий автономный округ</i>	41 546	7 754	18,7
<i>Мурманская область</i>	892 534	1 769	0,2
<i>Уральский федеральный округ</i>			
<i>Ханты-Мансийский автономный округ</i>	1 432 817	28 312	2,0
<i>Ямало-Ненецкий автономный округ</i>	507 006	36 992	7,3
<i>Сибирский федеральный округ</i>			
<i>Красноярский край</i>	2 966 042	16 409	0,6
<i>Таймырский (Долгано-Ненецкий) - автономный округ</i>	39 786	9 534	24,0
<i>Эвенкийский автономный округ</i>	17 697	3 802	21,5
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>			
<i>Республика Саха (Якутия)</i>	949 280	32 258	3,4
<i>Корякский автономный округ</i>	25 157	10 195	40,5
<i>Магаданская область</i>	182 726	4 176	2,3
<i>Чукотский автономный округ</i>	53 824	16 572	30,8

Приводятся субъекты Российской Федерации, на территории которых проживают коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, согласно Единому перечню коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255.

За последнее двадцатилетие эти народы испытали значительные социальные потрясения. Разрушение колхозов, совхозов, госпромхозов в 1990-е гг., обеспечивавших почти стопроцентную занятость коренного населения, привело к исчезновению большинства рабочих мест на территориях традиционного проживания коренных жителей. В результате уровень безработицы среди коренных народов увеличился за последнее десятилетие XX в. в 8 раз (в целом по России в 3,5 раза). Денежные доходы коренных жителей в 2-3 раза ниже общероссийских. Безработица, стремительное обнищание усилили распространение алкоголизма и других социальных заболеваний. Все это позволило исследователям уже в начале 1990-х гг. отнести коренные малочисленные народы Севера к «кризисным этносам» (Бабаков, 1993).

Лишившись ставших за годы советской власти привычными организационных экономических структур, коренные народы для организации экономической деятельности пытаются создавать общины, национальные предприятия. Точно учесть

число этих организационных структур в настоящее время очень трудно: некоторые стихийно возникшие общины не регистрируются, другие, зарегистрировавшись, не справляются со сложной бухгалтерской и налоговой отчетностью, переставая существовать как юридические лица. Тяжелое экономическое положение общин усугубляется также неопределенностью и затрудненностью для них доступа к основным источникам существования - права на использование природных ресурсов и земель для традиционного природопользования и изъятием земель под промышленное освоение.

Вопрос права пользования землями для коренных народов в России пока не решен. Хотя Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» в 1999 г. провозгласил право безвозмездного пользования землями для коренных народов в местах их традиционного проживания для ведения традиционной хозяйственной деятельности. Земельный кодекс Российской Федерации, принятый в том же году несколькими месяцами позднее, этого права коренных народов не учел. Возникшее юридическое противоречие до сих пор не устранено.

Собственником всех земель и природных ресурсов на российском Севере является государство. Часть земель, «земли сельскохозяйственного назначения», находится «в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов». В период коллективизации на территориях традиционного расселения и хозяйственной деятельности народов Севера большая часть земель была передана в пользование и владение колхозам и совхозам. На этих землях коренные народы занимались оленеводством, охотой, рыболовством и т.д.

Но с началом промышленного освоения природных ресурсов Сибири большие территории были временно изъяты у основных пользователей, колхозов и совхозов под промышленные объекты. С началом приватизации в 90-е гг. имущество колхозов и совхозов стало частной собственностью быстро меняющих своих хозяев коммерческих структур. С 2006 г. права на землю бывших госпромхозов, колхозов и совхозов прекращаются. Их земли выставляются на аукционы. Как показывает опыт последних двух лет, на конкурсах и аукционах побеждают коммерческие структуры. На каком праве будут пользоваться землями различных категорий коренные народы Севера, продолжающие жить в местах своего исторического расселения и вести традиционное природопользование, - вопрос открытый (Харючи. 2008).

Так как коренные народы не имеют прав на земли, фактически используемые ими для традиционных видов деятельности, при изъятии земель под промышленное использование, органы государственной власти и промышленные компании не обязаны учитывать интересы коренных народов, хотя право коренных народов выражать свои интересы и продекларировано в российском законодательстве. Органы государственной власти и промышленные компании обязаны учитывать только интересы юридических пользователей земель.

5.2.2 Современные демографические характеристики

Как указывают современные исследователи, изучение демографических характеристик коренных малочисленных народов Севера в настоящее время затруднено в связи с отменой указания национальности в паспорте и вследствие этого изменениями в форме учета основных демографических показателей. Начиная с 1997, когда запись о национальности была убрана из персональных идентификационных документов, ее перестают в обязательном порядке записывать в актах гражданского состояния, теперь эту графу заполняют по желанию заявителя. (Богоявленский, 2008, рукопись в печати).

По итогам исследований Д.Д. Богоявленского (Институт демографии ГУ-ВШЭ), наиболее подробно исследовавшего динамику демографических показателей на примере 26 народов Севера, проживающих преимущественно в арктической и субарктической зонах (до расширения списка этих народов в 1990-х гг.), число родившихся у коренных малочисленных народов севера снизилось по сравнению с 1995 г. на 69%, а показатели смертности выросли на 35,5%. Средняя продолжительность жизни у коренных народов на 10-20 лет меньше, чем средняя по России.

Основные показатели естественного движения населения (рождаемость, смертность, естественный прирост населения) представлены в таблицах и рисунках.

Рис. 1. Общий коэффициент рождаемости народов Севера России (Crude Birth Rate) в 1988-2004 (на 1000 населения) по Д.Д. Богоявленскому.

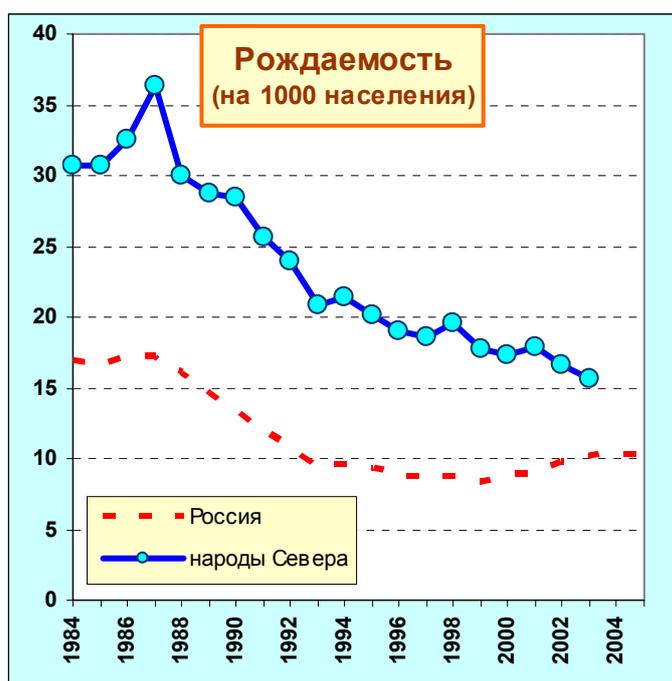

Рис. 2 Общий коэффициент смертности народов Севера России (Crude Death Rate) в 1988-2004 (на 1000 населения) по Д.Д. Богоявленскому.

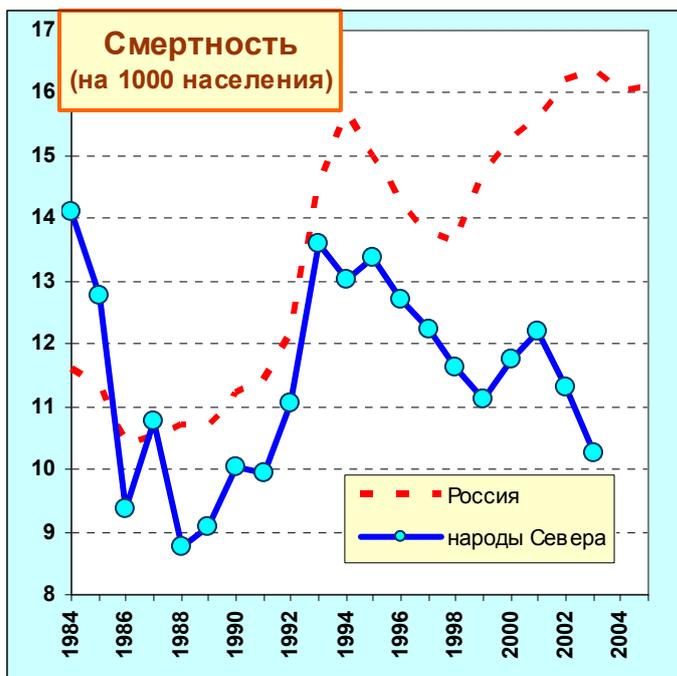

Рис. 3 Общий коэффициент естественного прироста народов Севера России (Natural Increase Rate) в 1988-2004 (на 1000 населения) по Д.Д. Богоявленскому.

По данным за эти годы составлена таблица динамики основных показателей естественного движения населения у народов Севера России

Таблица 2. Естественное движение народов Севера России (на 1000 населения)

	Рождения	Смерти	Естественный прирост	Младенческая смертность

1983-1987	32,3	12,2	20,1	43,3
1988-1992	27,5	9,9	17,6	30,2
1993-1997	20,1	13,0	7,0	34,3
1998-2002	17,9	11,6	6,3	27,6

Мы видим, что за прошедшие 20 лет рождаемость у народов Севера сократилась почти в два раза, а естественный прирост сократился в три раза при довольно стабильном высоком показателе смертности.

Тем не менее, несмотря на резкое сокращение естественного прироста у коренных малочисленных народов Севера за проанализированные 20 лет, положительный прирост у КМНС все же был зафиксирован Переписью 2002 г. в отличие от показателей по всему населению России.

Но, во-первых, большая часть межпереписного прироста численности коренных народов Севера - следствие не демографических, а этно-социальных процессов (Богоявленский, 2005; <http://demoscope.ru/weekly/2004/0165/tema01.php>), вызванных массовым возвращением «коренной» идентичности в перестроечные 1990-е гг. в некоторых регионах, о чем свидетельствует несоответствие абсолютных показателей роста численности, по данным Переписи 2002 г., простой арифметической разнице между числом родившихся и умерших. Так, например, у саами показатель прироста по данным Переписи превысил разницу между числом родившихся и умерших на 378 человек, у кетов - на 662 человека, у хантов - на 2870 человек, а у юкагиров - на 243 человека. В то же время по ненцам Переписью не было учтено 1585 человек, у чукчей - 1094 человека, составивших реальную разницу между числом родившихся и умерших (Богоявленский, 2004).

Так что данные Переписи 2002 г. по коренным народам Севера, видимо, отразили картину неравномерного по регионам роста самосознания и благосостояния этих народов. Например, не демографический прирост у ханты и манси объясняется, по-видимому, тем, что в Ханты-Мансийском округе на фоне нефтяного бума многое делалось для материальной поддержки коренных народов, активизировалась работа общественных коренных организаций - возможен рост национального самосознания и увеличение престижности коренной этнической принадлежности. Схожая ситуация и у российских саами, для которых катализатором подъема национального самосознания могли стать резко выросшие после падения «железного занавеса» контакты с их зарубежными соплеменниками. И в то же самое время у саами самая низкая среди народов Севера рождаемость и самый низкий естественный прирост, точнее естественная убыль населения.

Во-вторых, эти показатели прироста, к сожалению, не дают оснований для оптимизма в отношении демографического благополучия коренных малочисленных народов Севера по некоторым другим причинам. Если мы взглянем на половозрастные пирамиды населения России и КМНС (см. рис.4), мы наглядно увидим их различия. Возрастная структура народов Севера намного моложе - дети до 15 лет составляют у них 31% всего населения, а во всем населении России - 17%. У народов Севера всего 6% людей старше 60 лет, а 18% - старше 45; в то же время как в России - 18% и 37% соответственно. Их средний возраст составляет менее 28 лет, а во всей России - около 38. Этим объясняется более высокий, чем у КМНС, общий коэффициент смертности по России.

Рис. 4. Сравнение возрастных структур народов Севера и всего населения России (по данным переписи 2002 г.)

В тоже время за последние 10-15 лет резко снизилась рождаемость у коренных малочисленных народов Севера. При этом ожидаемая продолжительность жизни коренных северян намного меньше, чем по России в целом - т.е. смертность намного выше.

Таблица 3. Ожидаемая продолжительность жизни (при рождении, лет)

	Народы Севера			Все население России			На сколько лет показатели у НС меньше		
	1978-1979	1988-1989	1998-2002	1978-1979	1988-1989	1998-2002	1978-1979	1988-1989	1998-2002
Оба пола	49,1	59,4	54,8	67,7	69,3	65,7	18,6	10,0	10,9
Мужчины	44,3	54,0	49,1	61,7	64,5	59,6	17,4	10,5	10,5
Женщины	54,1	65,0	60,5	73,1	74,4	72,4	19,0	9,4	11,4

(по Д.Д. Богоявленскому, 2008)

У народов Севера России смертность взрослых экстремально высока: от 15 до 60 лет доживает лишь менее 40% мужчин и менее двух третей женщин. Для сравнения в Гренландии от 15 до 60 лет доживают почти три четверти мужчин и более 80% женщин. В среднем по России те же показатели у всего населения России составляют 54% и 83%, а в Дании, например, 88% и 94% соответственно.

При рассмотрении причин высокой смертности у коренных народов Севера обнаруживается высокая доля смертей в трудоспособном возрасте от внешних причин: неумышленных повреждений, самоубийств, убийств (36%). Этот показатель намного выше, чем во всей России (15%), где, в свою очередь, он больше, чем в других развитых

странах. Если уровень смертности от внешних причин (измеренный стандартизованным коэффициентом смертности - age-standardized death rate, ASDR) в России более чем вдвое превышает среднемировой уровень, то у народов Севера он более чем вдвое превышает среднероссийский (Д.Д. Богоявленский, 2008).

Таблица 4. Структура смертности по причинам (в %).

	Народы Севера		Все население России		Во сколько раз смертность НС больше*
	1988-1989	1998-2002	1988-1989	1998-2002	
Все причины	100,0	100,0	100,0	100,0	1,7
Инфекционные болезни	6,3	5,0	1,2	1,6	4,5
Новообразования	13,3	8,3	17,6	13,5	0,9
Болезни системы кровообращения	28,3	33,4	56,6	55,5	0,8
Болезни органов дыхания	10,8	5,0	5,6	4,3	1,6
Внешние причины	30,1	35,4	11,1	14,3	3,4
Другие причины	11,2	12,9	7,9	10,8	1,7

*сравнение стандартизованных коэффициентов (ASDR) по Д.Д. Богоявленскому

Учитывая малую численность каждого из коренных малочисленных народов Севера, такое состояние демографических показателей может привести к этнической депопуляции самих малочисленных этносов, поэтому мы должны определить демографическое положение коренных народов Севера как кризисное.

При этом следует учитывать, что со времени Всероссийской Переписи 1989 г. общая численность коренных народов Севера медленно растет, но растет крайне неравномерно. Показатели численности коренных народов Севера по данным переписей, то есть на основе самоидентификации, очень чувствительны к условиям жизни, так, например, численность одного и того же народа Арктики - ненцев, находится в последние 20 лет почти в состоянии стагнации в Ненецком АО, но выросла в Ямало-Ненецком АО почти на 20%.

5.3. Характеристика природных и антропогенных факторов, влияющих на состояние исконной среды обитания коренного населения АЗРФ

5.3.1 Природные факторы, влияющие на состояние исконной среды обитания коренного населения АЗРФ

К современным природным факторам, влияющим на состояние исконной среды обитания коренных малочисленных народов Арктики относятся процессы, связанные с изменением климата, хотя и эти процессы, как утверждает большинство исследователей, связаны с антропогенным воздействием. Эти процессы наиболее полно изложены в «Оценочном докладе об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации», выпущенном Росгидрометом в 2008 г.

Структурированный перечень предполагаемых воздействий изменения климата на экосистемы и окружающую среду Арктики, и возможные последствия этих воздействий для традиционного образа жизни и природопользования коренных народов Севера можно

представить в виде таблицы.

Таблица 5. Потенциальное воздействие изменений климата на окружающую среду, традиционный образ жизни и природопользование коренных малочисленных народов Арктики.

Предполагаемые изменения в различных сферах воздействия	Последствия для традиционного образа жизни и природопользования	Возможности альтернативных видов деятельности и образа жизни
<p>Экосистемы:</p> <p>Сокращение биоразнообразия, изменение видового состава пресноводных рыб.</p> <p>Распространение насекомых-вредителей и болезнетворных организмов.</p> <p>Сокращение среды обитания белых медведей, тюленей, некоторых видов птиц.</p> <p>Нарушение традиционных миграционных путей северных оленей и других видов животных.</p>	<p>Перечисленные изменения в экосистемах приведут к сокращению возможностей всего спектра традиционных видов деятельности КМНС.</p> <p>Наиболее пострадает ведущая отрасль - крупнотабунное тундровое оленеводство, которое уже сейчас страдает от участвующих гололедов, вызывающих голод и падеж в стадах. Распространение насекомых - вредителей и болезнетворных организмов приведет к эпизоотиям. Сокращение площадей пастбищ к уменьшению кормовой базы.</p> <p>Другие виды традиционного природопользования: охота, рыболовство, морской зверобойный промысел также будут затруднены последствиями климатических изменений.</p>	<p>Переход части оленеводов к мелкотабунному лесному оленеводству.</p> <p>Расширение в хозяйстве и потреблении доли собирательства и огородничества.</p>
<p>Окружающая среда</p> <p>Рост числа и интенсивности опасных погодных явлений.</p> <p>Увеличение пожарной опасности.</p> <p>Повышение концентрации загрязняющих веществ в атмосфере.</p> <p>Повышение загрязнения водоемов суши и морей.</p> <p>Усиление штормов, эрозии берегов.</p> <p>Повышение зимних температур и сокращение продолжительности зимнего периода.</p>	<p>Рост числа опасных погодных явлений и природных катастроф, загрязнение водоемов приведет к росту несчастных случаев и заболеваний среди коренного населения.</p>	<p>Для коренного населения возможны два варианта адаптации к изменениям окружающей среды:</p> <ul style="list-style-type: none"> - уход в отдаленные незатронутые индустриализацией районы и попытки модернизации традиционного жизнеобеспечения; - попытки закрепиться в благоустроенных индустриальных поселениях с централизованным водоснабжением и социальной инфраструктурой, что приведет к изменению образа жизни и ассимиляции.

<p>Увеличение рисков наводнений и интенсивность ледяных заторов.</p> <p>Сокращение тундровых площадей пастбищ за счет продвижения на север границы лесов.</p> <p>Рост числа схода лавин и других опасных погодных явлений.</p>		
<p>Социально-экономическая</p> <p>Возможное увеличение нагрузки и рост числа аварий на ЛЭП из-за резких перепадов температуры и усиления опасных гидрометеорологических явлений</p> <p>Подвижки грунта в зонах таяния вечной мерзлоты создают риски в эксплуатации зданий и сооружений (включая транспортную систему - дороги, взлетно-посадочные полосы), а также магистральных трубопроводов</p> <p>Усиление штормов, эрозии берегов и, как следствие, нарушения инфраструктуры прибрежных территорий</p> <p>Расширение доступа к новым месторождениям полезных ископаемых, и, как следствие, приток нового населения</p>	<p>Риски разрушения инфраструктур поселений, аварии на технологических объектах приведут к большому обнищанию и неблагоустроенности коренного населения.</p> <p>Возможное расширение доступа к новым месторождениям полезных ископаемых, и приток нового населения приведет к еще большей маргинализации коренного населения, сужению возможности для использования природных ресурсов в традиционных видах природопользования, изменению традиционного уклада жизни и питания.</p>	<p>Способы адаптации к социально-экономическим изменениям те же, что и к изменениям окружающей среды:</p> <ul style="list-style-type: none"> - уход и модернизация традиционных видов деятельности; - попытка ассимиляции, что приведет к полному изменению уклада жизни, питания, стрессам.

Получившийся в приведенной таблице катастрофический по своему характеру прогноз воздействия последствий современного изменения климата на традиционный образ жизни и исконную среду обитания находится в некотором противоречии с имеющимися историческими данными.

Исторические документы середины XIX - начала XX в., а также археологические данные демонстрируют адаптивные возможности, заложенные в традиционном комплексном использовании природных ресурсов. Именно комплексность традиционного природопользования, сочетание оленеводства, охоты, морского зверобойного промысла, рыболовства, собирательства обеспечивала в прошлом переход от одного, основного традиционного вида занятия, к другому (И.И. Крупник). Так в европейской Арктике на Чукотке, на севере Камчатского полуострова зафиксированы случаи, когда в периоды потеплений коренные народы от оленеводства переходили к морскому зверобойному промыслу и рыболовству, используя при этом опыт и ресурсный потенциал своих соседей. Считается, что именно таким образом у

чукчей и коряков возникли внутри этноса две этнические группы - береговые и оленные чукчи и коряки. При этом береговые группы связаны родственными и культурными связями с местным оседлым береговым населением, чукчи с эскимосами, коряки с ительменами. У ненцев в исторической перспективе также зафиксировано две группы: подавляющее число ненцев занимается оленеводством, а охота и рыболовство являются для них дополнительными источниками. Но в береговой арктической зоне расселения ненцев и на островах существовали анклавные группы, занимавшиеся, преимущественно, морским зверобойным промыслом и рыболовством, в качестве транспорта они использовали ездовых собак.

К сожалению, в настоящее время, по-видимому, во многих районах АЗРФ такой переход от одного основного традиционного источника существования к другому станет невозможен. Это относится к тем территориям и акваториям, где ведутся интенсивные работы по разработке месторождений в шельфе и транспортировке нефти и газа. Но это уже не природный, а антропогенный фактор воздействия.

5.3.2 Антропогенные факторы, влияющие на состояние исконной среды обитания коренного населения АЗРФ

Комитет по делам Севера и малочисленных народов Совета Федерации РФ в материалах к Парламентским слушаниям в Совете Федерации по вопросу «Правовое обеспечение этнологической экспертизы как обязательное условие при освоении северных территорий» в 2007 опубликовал такие данные Федерального агентства кадастра объектов недвижимости: «Сложившаяся с начала 30-х гг. структура природопользования и концепция освоения Севера отдавали приоритет развитию промышленности в ущерб традиционным отраслям хозяйства, в результате чего возникли обширные очаги сильного загрязнения деградации природной среды, которые привели к нарушению и выбытию из оборота наиболее ценных в сельскохозяйственном отношении земель. ...В первую очередь нанесен значительный ущерб оленьим пастбищам... Фактором в значительной мере дестабилизирующим экологическую обстановку на территориях традиционного природопользования является стрессовое воздействие промышленных объектов на оленьи пастбища и охотничьи угодья, охватывающее до 40% площади традиционного природопользования».

Вследствие отчуждения земель под промышленные предприятия и загрязнения территории промышленными выбросами, сельское население лишилось не только пастбищных земель и охотничьих угодий, но и традиционных рыбопромысловых мест, площадей сбора дикоросов. За последние годы на треть уменьшилась добыча рыбы, пушнины (соболя - в 4,3 раза, ондатры - в 6,8 раза и т.п.), морского зверя, резко сократились заготовки грибов и ягод.

Выполненные в рамках предварительной стадии НПД "Арктика" в 2000 г. исследования (руководитель А.В. Евсеев) выявили, что территории компактного проживания и традиционного природопользования коренных малочисленных народов Арктического региона России подвергаются негативному влиянию более 72 (из 129 выявленных на суше) разнообразных источников загрязнения и механических нарушений природной среды различной мощности. За прошедшие годы к ним прибавились новые промышленные объекты и очаги загрязнения (например, работы по освоению нефтегазовых месторождений и транспортировке нефти и газа в береговой части Печорского моря, на п-ве Ямал, в Обской и Тазовской губе). Эти данные обобщены в таблице.

Таблица 6. Районы антропогенного воздействия на территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера

Районы воздействия	Источники загрязнения	Коренные малочисленные народы	Острота экологической ситуации в центре зоны воздействия
Кольский	Металлургия, горнодобывающая промышленность, ТЭЦ, транспорт, добыча и транспорт углеводородов (в перспективе)	саами, ненцы, коми-ижемцы	Кризисная
Тимано-Печорский (в т.ч. Хыльчуя, Варандей)	Нефтегазодобыча	ненцы	Критическая
Новоземельский (наземно-морской)	Военные объекты (полигоны, затопление ядерных установок подводных лодок, других радиоактивных отходов)	ненцы	Критическая (потенциально-кризисная)
Воркутинский	Горнодобывающая промышленность, ТЭЦ	ненцы	Критическая
Пур-Надымский	Нефтегазодобыча, трубопроводы	ненцы	Критическая
П-ов Ямал, Обская и Тазовская губы	Нефтегазодобыча	ненцы, энцы	Критическая
Средне-Обский	Нефтегазодобыча	ханты, манси	Кризисная
Норильский	Горно-металлургическая промышленность	ненцы, нганасаны, долганы, эвенки	Кризисная
Анабарский	Горнодобывающая промышленность, ТЭЦ	долганы, эвенки, якуты	Кризисная
Яно-Индигирский	Горнодобывающая промышленность	эвены, юкагиры, якуты	Острая
Валькумейский	Горнодобывающая промышленность, ТЭЦ	чукчи	Острая
Билибинский	АЭС	чукчи	Потенциально-острая, вплоть до катастрофической (в случае аварий на АЭС)

(приведено по публикации К.Б Клоков и др. 2001, с дополнениями автора)

Накопление токсичных веществ в почве, водоемах, растительности, мясе диких и домашних животных, загрязнение атмосферы в районах воздействия промышленного освоения, в местных продуктах питания представляет собой прямую угрозу состоянию здоровья коренного и старожильческого населения Арктического региона, а механические нарушения растительного покрова, почв и грунтов территорий традиционного природопользования подрывают материальную основу традиционного хозяйства. Несмотря на продекларированные в российской Конституции принципы

защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей, территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов и старожильческого населения Арктического региона России постоянно испытывают негативное воздействие, порожденное приоритетным развитием промышленного природопользования (Клоков и др. 2001). Эти условия, при которых не учитываются интересы, традиционные знания, профессиональный опыт, право участвовать в принятии решений, касающихся исконной среды обитания коренных народов, в некоторых случаях, подрывают не только основы традиционного природопользования, но и ведут к разрушению традиционного уклада жизни, культуры, идентичности коренных народов Севера.

5.4. Оценка воздействия негативных антропогенных и природных факторов на состояние здоровья и демографические показатели коренного населения АЗРФ

В предыдущем разделе показаны масштабы воздействия промышленного освоения природных ресурсов Арктики без учета степени и глубины воздействия на окружающую среду, коренное и местное население.

Это воздействие, начавшееся в 1930-е гг., породило множество современных экологических и социальных проблем. Начиная с 1930-х гг., в АЗРФ интенсивно развивались горнодобывающая, металлургическая, лесная, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная и другие отрасли промышленности, а также транспорт. Все это привело к деградации значительных площадей и природных ресурсов, ранее использовавшихся коренным и местным населением. Появилось большое количество локальных «горячих точек», обусловленных прошлой и текущей хозяйственной деятельностью, где высокий уровень загрязнения окружающей среды вынуждал коренное и местное население покидать эти места.

Одновременно принимались административно-управленческие решения, направленные на унификацию образа жизни коренного и местного населения Арктической зоны под стандарты, насаждаемые в этот период в центральной России. Среди положительных воздействий таких решений следует назвать развитие системы образования и здравоохранения для народов Севера, включавшие кочевые школы, фактории, подвижные медицинские отряды, проводившие диспансеризацию и лечение кочевого населения. К сожалению, эти системы просуществовали только до конца 1980-х гг.

В это же время были приняты пагубные для коренного и местного населения Арктической зоны решения, к числу которых сейчас исследователи относят: план перевода кочевого населения на оседлость, повсеместное распространение крупно-табунного оленеводства на основе колхозно-совхозного типа хозяйствования и перевод северного коренного населения на усредненный рацион питания «материковых жителей».

Укрупнение поселений. В результате перевода коренного населения на оседлость число обитаемых и используемых для традиционного природопользования, проверенных историческим опытом мест сократилось, по оценкам исследователей, в 5 раз. Из небольших, признанных «неперспективными» поселений, люди сгонялись в новые большие села в местах, непригодных ни для большого скопления людей, ни для осуществления ими той традиционной деятельности, к которой они привыкли без учета ресурсного потенциала новых мест обитания.

Показательна в этом отношении история одного из поселений Ненецкого автономного округа Нельмин Нос, по рассказам его жителей.

«Поселение Нельмин Нос было основано в 1938 г. в качестве центральной базы колхоза им. Выучейского. Но место для поселка было выбрано неудачно: поселок расположили на заболоченном левом берегу протоки р. Печоры Тундровый шар, из-за чего в поселке постоянные трудности с питьевой водой и с состоянием домов, под полами которых скапливается вода. В 1952 г. в п. Нельмин Нос были перевезены жители и дома поселения оленеводов называвшегося Три Бугры (Няхар Пугра по-ненецки означает «три землянки»»). Это произошло в связи с проведением политики «укрупнения колхозов». В связи с неудобным географическим положением поселения Нельмин Нос современные потомки жителей из поселка Три Бугры, до сих пор вспоминают о нем: «поселок Три Бугры стоял на высоком сухом месте, рядом расположено рыбное озеро Киризейка, сейчас от поселения остался один крест. Кладбище п. Три Бугры разрушено в связи с обустройством на этом месте вахтового поселка (сейсморазведчики) 20-25 лет назад».

По данным 2005 гг., в поселке Нельмин Нос проживает 1 025 чел (282 хозяйства), в том числе, зарегистрировано ненцев - 953 человека. Среди населения поселка очень высока доля неучтенных безработных, распространен алкоголизм, туберкулез, другие социальные болезни. Поголовье некогда многочисленного стада домашних оленей сократилось втрое. Олени стада, охотничьи и рыболовные угодья страдают от близости столицы НАО, давно превратившись в зону любительской охоты (в том числе и на домашних оленей), рыболовства и собирательства вахтовиков-нефтяников и семей горожан.

Укрупнение хозяйств. Процесс укрупнения поселений был напрямую связан с процессом укрупнения стад домашних оленей с последующим переходом на вахтовый метод выпаса. Большие стада оленей быстро истощали пастбища. Кочевки с большим стадом не были безопасными, особенно в зимнее и весеннее время. По рассказам оленеводов, «со стадом 700-800 оленей небезопасно было проходить под снежными козырьками, возникавшими на возвышенностях. Гибли и люди и олени. Там, где может пройти 300 оленей, следующие могут попасть под лавину. Говорили об этом начальству, но оно не слушает. Знаешь, что опасно идти, но прикажут и идешь. То же и в пургу. Для стада в триста голов легко найти тихое место, где олени могут переждать. Такие места во время кочевки заранее присматривали. Трудно, когда стадо большое». Между тем, тенденция с увеличением стад продолжалась до конца советского периода, а когда совхозы распались, оленеводы быстро вернулись к семейному выпасу небольших по численности стад. Например, на п-ве Ямал из трех больших совхозов выделилось более девятисот семей оленеводов-частников. И их опыт оленеводства показал себя как более успешный. Если по всей Арктике численность домашних оленей к 2000-му г. по сравнению с 1990-м сократилась на 48% , то к концу 1990-х гг. поголовье оленей в ЯНАО именно за счет прироста в стадах, выпасавшихся семейными коллективами, выросло на 20% (Южаков, 2004).

Изменение структуры питания народов Севера мотивировалось в 1930-1940-е гг. тем, что питание аборигенов Севера очень дорогостоящее, и в то же время неполноценное и неразнообразное.

Например, М.А. Сергеев, привел сравнительные усредненные данные по питанию коренных северян на основе данных Переписи 1926-1927 г. и «сельского населения материка» в следующей таблице.

Потребление в год на 1 человека (в кг)

Продукты	Кочевое население	Оседлое	Сельское население
----------	-------------------	---------	--------------------

		население	материка
Мука и крупа	4	75	263
Мясо и жиры	138	109	34
Рыба	107	192	7
Овощи	-	43	240
Сахар	0,4	8	2
Молочные	-	70	72
Всего	249,4	497	608

На основании этих данных М.А. Сергеев рассчитал, что «стоимость питания кочевого населения в результате крупного потребления наиболее дорогих продуктов (мяса, жиров, рыбы) составляла (по средним ценам 1927 г.) 143 руб. против 102 руб. сельского материкового населения» и сделал вывод о том, что питание кочевников нужно удешевить за счет включения в рацион муки, круп, овощей. (Сергеев. 1936. с.710).

Необходимость изменения рациона аборигенов Севера М.А. Сергеев мотивировал необходимостью «повышения рентабельности туземного хозяйства и общими народохозяйственными интересами СССР - усилением выхода ценного промышленного сырья» (Сергеев. 1936. с. 716). Оленина, как известно, до конца XX в. так и не стала «ценным промышленным сырьем» в России, а вот рацион северян был разрушен, что явилось причиной многих существующих у северян соматических и психических заболеваний.

Авторы новейших исследований питания северян показали, что природный рацион коренного населения Севера, ориентированный на высокое потребление белка и животных жиров, является пока что единственно возможным для поддержания энергетического баланса организма в суровых условиях Севера (Хаснулин, 2005). Белки и жиры в организме выполняют энергетическую, терморегуляторную, гормональную и защитную биологические функции. Их недостаток в питании ведет к дисбалансу обмена веществ в организме, хроническому стрессу, поискам других источников энергии и психологической защиты, в том числе к алкоголю. А переключение жителей Севера или Сибири на продукты, доставляемые из средних широт или, тем более, из других государств, приводит к значительному росту заболеваемости (Хаснулин, 2004). Данные по оценке взаимосвязи показателей здоровья и особенностей метаболизма коренных жителей Севера, придерживающихся традиционных типов питания, достоверно продемонстрировали меньшие проявления дизадаптивных расстройств со стороны основных гомеостатических систем в сравнении с коренными жителями, питающимися «цивилизованной» пищей. Полученные данные свидетельствуют о том, что коренные жители, потерявшие свою привязанность к традиционной пище, более подвержены дизадаптивным и патологическим расстройствам. Оказалось, что не только обменные процессы меняются при изменении рациона питания. Отмечается заметная реакция центральной нервной системы. Это проявляется в большей выраженности тормозных процессов, снижении уровня регуляторных резервов, скорости переработки вербальной информации. Наконец, при «цивилизованном» типе питания выявляется достоверно более высокий уровень психоэмоционального стрессирования. (Халтаев, Хамнагадаев, 1984, Сухарев, 1995, Хаснулин, 2007).

На примере обследования обских угров в Ханты-Мансийского АО исследователи показали, что минимальная потребность в белке 120-128 г. (Хаснулин. 2005). Автор пишет: «Учитывая практическую взаимозаменяемость по содержанию животного белка мяса млекопитающих, птицы, рыбы, яиц и т.п. можно посчитать, что потребность в 128 г животного белка может покрываться потреблением в пищу ежедневно 640 г мяса или 800 г рыбы (при среднем содержании белка 16 г в 100 г рыбы) (Хаснулин, 2005). Это составляет около 200 кг мяса или 300 кг рыбы в год на человека.

Наше исследование рациона ненцев упомянутого поселения Нельмин-Нос (2008 г.) показали, что жители этого поселка в среднем съедают за год около 50 кг оленины и столько же речной рыбы. Другими словами, жители этого поселения постоянно недополучают необходимые им животные белки. Учитывая то, что доходы большинства жителей этого поселка состоят из пособий и пенсий, и они покупают в магазине только самое необходимое: хлеб, картофель, макаронные изделия, крупы, т.е. эти люди хронически недоедают. Разрушение традиционного уклада жизни этого поселения путем недобровольного переселения, перевода на оседлость и вынужденно изменившийся рацион питания, привели большинство населения этого поселка к психической, физической и культурной дезадаптации. Физически большинство жителей ослаблено постоянным недоеданием, а душевное состояние населения можно охарактеризовать, как виктимное.

Помимо физического здоровья устоявшиеся системы питания являются основой традиций, социально-экономического и культурного благополучия. Более того, оленеводство, охота, рыболовство, собирательство не только обеспечивают пищей и являются важными источниками дохода для местных домохозяйств и сообществ.

Традиционные виды деятельности тесно связывают коренные народы с окружающей средой, отличают их от некоренного населения, и оказывают влияние на сохранение культурной и этнической традиции и самоидентификации народов, этнической и профессиональной, осознания связи с территорией его проживания. В сообществах коренных малочисленных коренных народов Севера использование традиционных ресурсов важно не только для развития экономических видов деятельности, обеспечения питанием, но и для поддержания социальных взаимосвязей и культурной идентичности.

Воздействие антропогенных факторов в прошлом и настоящем

Таким образом, промышленное освоение Арктики прошлых лет, которое привело к деградации значительных площадей и природных ресурсов, а также непродуманные административные решения органов государственной власти в отношении социально-экономического развития коренного и местного населения, видимо, напрямую связаны с теми результатами, которые выразились в угнетенном состоянии всех основных демографических показателей коренных малочисленных народов, о которых говорилось выше. Это снижение рождаемости, высокая смертность в трудоспособном возрасте, в том числе высокие показатели смертности от внешних причин: неумышленных повреждений, самоубийств, убийств (36%).

Возросшие в последнее десятилетие темпы расширения нефтегазовой отрасли в АЗРФ и планируемое развитие работ на шельфе арктических морей создает угрозу перерастания описанного нами кризисного состояния коренных малочисленных народов в критическую фазу, угрожающую коренным народам Севера не только утратой традиционного образа жизни, культуры, но и полной этнической депопуляцией.

Приоритет промышленного освоения, осуществления государственной энергетической программы над интересами коренного и местного населения продолжает главенствовать в методах освоения новых месторождений в Арктике и в наши дни.

Так, например, расширяющееся сейчас освоение новых нефтегазовых месторождений Ямала (таких как Бованенковское, Новопортовское, Крузенштерновское Харасавэйское) порождает новые угрожающие экологические и социальные последствия для коренных жителей полуострова. По сообщению представителя администрации Ямальского района, *«на территории муниципального образования проживают 15 546 человека. Около 70 % населения - представители КМНС - ненцы. Экономика района основывается на традиционных отраслях производства - оленеводстве, охоте, рыбодобыче... На территории полуострова выпасается самое крупное в России стадо северного оленя - более 226 тыс. голов. На территории муниципального образования действуют более 900 оленеводческих хозяйств различных форм собственности, из них - 3 крупных оленеводческих хозяйства. Для коренных малочисленных народов Севера оленеводство - это не только отрасль хозяйствования, но и, прежде всего, образ жизни. Олень для северянина - это и пища, и одежда, и лекарства, и жилище, и транспорт. ... Сохранение и развитие северного оленеводства - это сохранение уникального этноса Крайнего Севера России. ... Как показывает практика, коренные малочисленные народы Севера мало приспособлены к работе в отраслях промышленности, приложением их труда остается в основном традиционный местный промысел. Большинство семей коренных жителей, переселившись в поселки, так и не смогли адаптироваться к новым условиям жизнедеятельности. Среди этой категории граждан высокий процент безработицы, алкоголизма. На учете в районной комиссии по делам несовершеннолетних состоит 259 семей, как правило, эти семьи многодетные. 90% из них - семьи представителей коренных малочисленных народов Севера. ... Изъятие значительных по размерам участков земель из территорий традиционно-хозяйственного назначения может привести к разрыву целостного массива пастбищных угодий, а также вызвать возможное нарушение не только почвенно-растительного покрова, но и мерзлотного и гидрологического режима полуострова в целом, а также загрязнение рек и озер, истощение запасов биологических ресурсов и другие изменения». Строительство железной дороги «Обская-Бованенково» уже сейчас (2007 г.) затрагивает в южной части полуострова маршруты выпаса оленьих стад. Только этот участок способен вытеснить из традиционных отраслей Ямала до 48 объединенных совхозным хозяйством «крупных» семей, лишить рабочих мест более 350 оленеводов, охотников, рыбаков» (Демонстрационный проект...2009). В 2008 г. представители ОАО Газпром публично заявляли о необходимости «перевода на оседлость» около 300 семей ямальских оленеводов, употребляя именно эту устаревшую патерналистскую терминологию.*

Перечисленные примеры указывают на необходимость совершенствования российского законодательства в области регулирования воздействия промышленного освоения природных ресурсов на традиционное природопользование коренного и местного населения.

Заблеваемость коренных народов Севера

Говоря о заболеваемости коренных народов Севера, следует помнить, что показатели заболеваемости напрямую зависят от показателей обращаемости народов Севера в медицинские учреждения. В связи с закрытием поселковых больниц в сельских поселениях на Севере, начиная с 1995 г. (в целях укрепления центральных больниц районного уровня), и сокращением ассигнований на санавиацию, уровень обращаемости коренного населения в медицинские учреждения снизился.

Тем не менее, по данным официальной медицинской статистики, в 2005-2006 гг. в большинстве арктических и субарктических территорий общее количество заболеваний взрослого населения превышало средние показатели по стране. Среди этих территорий выделяются Ненецкий и Корякский АО. Так, в Ненецком АО число впервые зарегистрированных заболеваний взрослых в 2 раза выше среднего уровня по стране. В Ненецком, Корякском АО и на Чукотке заболеваемость таким тяжелым заболеванием, как пневмония, выше среднего уровня по стране (Заболеваемость населения в 2006 г..., 2007), что, по-видимому, связано с трудностью своевременного оказания должной медицинской помощи.

Исследования различных групп коренного населения, проживающего в Российской части Арктики, показали, что содержание ряда таких высокотоксичных веществ, как полихлорированные бифенилы (ПХБ-PCBs), свинец, гексахлорбензол (ГХБ-НСВ) в пуповинной крови у новорожденных детей и в организме взрослых мужчин и женщин являются одними из самых высоких среди северных стран.

Примерно 85% от общего количества стойких высокотоксичных веществ поступает в организм из местных источников загрязнения, которые представлены огромным количеством (свыше 15 млн. единиц) неутилизированных технических отходов и бочек, накопленных за период интенсивного хозяйственного освоения российской части Арктики. К числу наиболее серьезных последствий воздействия этих веществ на организм человека относятся увеличение частоты репродуктивных потерь, злокачественных новообразований и нарушений иммунорезистентности. (Ревич, 2008).

Для жителей Арктики и Субарктики характерна специфическая форма хронического полярного напряжения, вызванная снижением резистентности организма в суровых полярных условиях. Синдром полярного напряжения - биологический феномен Севера. Его основными составными частями являются расстройства метаболизма, эндокринной системы, иммунная недостаточность, психоэмоциональное напряжение и другие нарушения здоровья (Чашин, Харькова, 2008).

К основным причинам смерти (около 90% всех случаев смерти) относятся болезни системы кровообращения (первое место у мужчин и женщин), внешние причины (мужчины - 2-е, женщины - 3-е место) и новообразования (мужчины - 3-е и женщины - 2-е место).

У женщин рост смертности в период с 2005 по 2006 гг. зафиксирован в большем числе регионов: Ненецком АО (новообразования, болезни системы кровообращения, болезни органов пищеварения, внешние причины смерти), Эвенкийском АО (болезни системы кровообращения, болезни органов пищеварения), Республике Саха (Якутия) (болезни органов пищеварения и внешние причины) и Корякском АО (некоторые инфекционные и паразитарные болезни, новообразования, болезни системы кровообращения, болезни органов пищеварения).

Для северных регионов характерен повышенный уровень самоубийств. При этом надо принять во внимание, что в целом по стране частота завершенных суицидов составляет 30 случаев на 100 тыс. чел. По этому показателю Россия занимает второе место в мире. Критический уровень суицидов, по оценке ВОЗ, составляет 20 случаев на 100 тыс. чел. В группу территорий, где отмечен наиболее высокий уровень самоубийств, из арктических районов входят Ненецкий и Корякский АО, при этом последний является абсолютным чемпионом по уровню суицидов - 133,6 случаев на 100 тыс. чел. Эта величина превышает средний показатель по стране почти в 5 раз (Харькова, Кваша. 2008).

Влияние изменения климата на здоровье коренных народов

При изменении и потеплении климата и деградации мерзлоты возрастает опасность поступления токсичных веществ из мест захоронения химических и радиоактивных отходов. Это относится к местам расположения хранилищ радиоактивных отходов на Новой Земле (Россия и сопредельные страны..., 2008), к накопителям отходов Норильского комбината, содержащих сульфаты, хлориды, меди, никеля и другие токсичные вещества (Гребенец, 2006). Размывание берегов Арктических территорий представляет угрозу для портов, танкерных терминалов и других промышленных объектов. В России существует реальная угроза нефтехранилищам Варандея, расположенным на берегу Печорского моря (АСИА..., 2004).

Для прогнозных оценок влияния климатических изменений на здоровье населения важное значение имеет его возрастная структура. Известно, что люди пожилого возраста и дети дают наиболее выраженный отклик на такие изменения.

Население Арктического региона достаточно «молодое». В 2007 г. доля лиц пенсионного возраста в таких крупных областях, как Мурманская, Архангельская, а также в Республике Коми, составляла от 15 до 19%. В автономных округах эта доля еще ниже и находится в пределах 6,5 -12,3% (Демографический ежегодник, 2007). Эта ситуация может быть результатом двух процессов: высокой смертности населения в трудоспособном возрасте и миграции лиц пожилого возраста за пределы автономных округов, в которых слабо развита система общественного здравоохранения.

Одной из основных групп риска при изменении климата являются дети. Уже сейчас северных регионах до 70% детей имеют отклонения в состоянии здоровья. Показатели заболеваемости детей северных регионов значительно выше средних по стране. За последние 10 лет они имеют тенденцию к росту (Харькова, 2008).

Наиболее высокие показатели распространенности заболеваний у детей в 2005-2006 гг. зарегистрированы в Ненецком и Чукотском АО. По сравнению со средними показателями по стране в эти годы практически во всех арктических регионах была особенно высока заболеваемость органов дыхания детей, в том числе пневмониями. Дети Севера и дети других регионов страны находятся в неравных стартовых условиях жизни. Под влиянием неблагоприятных климатических факторов и загрязненной окружающей среды у детей Севера на 2-5 лет происходит отставание возрастного развития иммунной системы. У каждого пятого ребенка отмечается дефицит массы тела, а уровень зараженности гельминтами превышает средние показатели по стране. Для детей Севера характерно выраженное напряжение легочного кровообращения, снижение скоростей кровенаполнения легких, что повышает риск развития морфофункциональных изменений. Большое число детей имеет остаточную неврологическую симптоматику и нарушения психики. Это позволяет прогнозировать невозможность их полноценной адаптации в полиэтнической среде. У значительной части детей Севера выявлены нарушения в формировании познавательной деятельности, существенное отставание в развитии, признаки эмоционального неблагополучия. У детей-северян отмечено раннее и массовое возникновение близорукости и астигматизма (57% детей в возрасте 8-9 лет). Условия проживания в Арктике обуславливают и особенности состояния здоровья детей. Отмечается высокая распространенность дефицита йода, употребление алкоголя, низкая физическая активность, напряжение психоэмоциональной сферы (повышенный уровень агрессивности проявляют до 65,8%, враждебности - 73,7% и тревожности - 48,3% обследованных детей). С увеличением возраста ребенка и времени его проживания на Севере частота таких показателей психического здоровья детей, как депрессия,

высокий уровень агрессии, тревожности и враждебности, нарастает (Сергей Токарев, Руководитель лаборатории подростковой патологии ГУ НИИ медицинских проблем Крайнего Севера РАМН. Цит. по Ревич. 2008).

От загрязнения источников водоснабжения, от недостатка качественной воды особенно страдает население с низким подушевым доходом. Доля населения с денежными доходами ниже уровня прожиточного минимума превышает 20% в Таймырском, Эвенкийском, Корякском АО и в Республике Саха (Якутия) (О санитарно-эпидемиологической обстановке в Российской Федерации в 2006 г., 2007).

На северных территориях из-за потепления климата также возникают проблемы с сохранностью продуктов питания, в результате чего возможно увеличение числа кишечных инфекционных заболеваний. Уже сейчас на значительной части российской Арктики регистрируется повышенный по сравнению со средними показателями по стране уровень заболеваемости населения дизентерией. В 2005-2006 гг. такой уровень отмечался в Ненецком АО и Красноярском крае, последние 3 года - в Таймырском и Чукотском АО, Архангельской области.

Районы проживания и традиционного природопользования характеризуются, с одной стороны, дефицитом квалифицированной медицинской помощи, а с другой - возможностью проникновения с юга новых инфекционных заболеваний и активизацией старых инфекций в результате изменения ареала возбудителей и многих других причин (Ревич, 2008).

Риски разрушения инфраструктур поселений, аварии на технологических объектах вследствие эрозии почв приведут к еще большему обнищанию и неблагоустроенности коренного населения. Возможное расширение доступа к новым месторождениям полезных ископаемых и приток нового населения приведет к еще большей маргинализации коренного населения, сужению возможности для использования природных ресурсов в традиционных видах природопользования, изменению традиционного уклада жизни и питания.

Перемены, угрожающие местоположению поселений (например, эрозия и таяние вечной мерзлоты) и приводящие к вынужденному переселению части или всех членов сообщества, постоянное ухудшение условий оленеводства, охоты и рыболовства, могут стать причиной межличностных и социальных конфликтов, а также психических расстройств. Изменение климата будет усугублять и без того критическую демографическую ситуацию и состояние физического и психического здоровья коренных малочисленных народов Севера, которые уже сейчас критичны, а прогнозируемые в связи с изменением климата угрозы, связанные с ухудшением социально-экономической и экологической ситуации в Арктике, могут усилить негативные процессы.

Смогут ли коренные народы справиться с изменениями климата, как это уже не раз происходило в их истории с помощью потенциала, заложенного в традиционных системах природопользования, традиционной культурной адаптации, может показать анализ этих систем и оценка степени воздействия на них современного постиндустриального общества.

5.5. Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера

Определение традиционного природопользования дано в ныне действующем законодательстве: «традиционное природопользование коренных малочисленных

народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, исторически сложившиеся и обеспечивающие неистощительное природопользование, способы использования объектов животного и растительного мира, других природных ресурсов коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» №49-ФЗ, статья 1). В этом определении подчеркиваются историческая преемственность и бережное отношение к природе в способах использования природных ресурсов у народов Севера. Нормами этого же закона предусмотрено право применять обычаи при осуществлении традиционного природопользования (ст.1, 2), что означает возможность использовать традиционные знания коренных народов о среде обитания и способах использования природных ресурсов. Эта норма корреспондирует с международным пониманием традиционного природопользования, теснейшим образом связанного с традиционными знаниями, отраженным в Конвенции о биологическом разнообразии (ст. 8j) и других международных документах.

В традиционном природопользовании и традиционных знаниях содержится целостное восприятие окружающего мира и собственного образа жизни коренных народов Севера. Символическое и образное восприятие окружающего мира в сочетании с эмпирическими знаниями составляют традиционную культуру каждого этноса и в тоже время определяют его традиционное природопользование, которое является стратегией адаптации и устойчивого развития.

Общая характеристика традиционного природопользования

Традиционное природопользование, ремесла и промыслы коренных малочисленных народов тесно связаны с окружающей эти народы природой, историей народов и их духовным миром.

Так как история и места обитания каждого народа и его локальных групп различны, то традиционное природопользование, а также связанные с ним традиционные знания каждой отдельной группы коренных народов уникальны и обусловлены особенностями конкретного исторического и географического ландшафта.

Если рассматривать традиционное природопользование как основу этнической культуры и обеспечения традиционного образа жизни народов Севера, то необходимо учитывать всю систему отношений человек - природа, обусловленную традиционным природопользованием. В этом случае традиционное природопользование включает:

- способы использования природных ресурсов и формы хозяйственной деятельности коренных народов и этнических общностей Севера, связанные с оленеводством и другими северными формами разведения местных и аборигенных пород домашних животных, рыболовством, речным, озерным и морским, морским зверобойным промыслом, мясной и пушной охотой, собирательством дикорастущих растений;
- территории с биологическими ресурсами, популяциями одомашненных животных, систему сезонного и пространственного расположения стационарных и промысловых поселений, стойбищ, маршрутов кочевков;
- способы и особенности хозяйственного освоения различных участков территории и природно-климатических зон;
- традиционную систему самоуправления и хозяйственной организации, обеспечивающую долговременность использования возобновляемых природных ресурсов и передачу экологически и этнически значимой информации: традиционного

хозяйственного календаря, способов лова, сбора и обработки продукции, навыки в изготовлении орудий труда и предметов домашнего обихода, промысловые запреты, временные изъятия из хозяйственного оборота участков территории в виде священных, запретных для посещения зон, знание съедобных и лекарственных растений, формы распределения угодий и продукции, домашние ремесла, воспитание детей.

Традиционное природопользование менялось на протяжении истории человечества, его культурно-адаптивная функция обеспечивала гибкость и адекватность способов природопользования к климатическим или географическим изменениям. Для традиционного природопользования характерна комплексность - сочетание разных видов деятельности на различных ландшафтах одной территории.

Традиционное природопользование, определяющее образ жизни народов Севера, можно условно подразделить на две основные модели жизнеобеспечения: оседлую - это рыболовы, охотники, морзвероби, собиратели и кочевую - это скотоводы (оленоводы, коневоды).

Но это подразделение довольно условно: оседлые передвигаются с места на место за теми биологическими ресурсами, которые используют, за мигрирующими зверями и рыбами, в места сбора растений, поэтому у них, кроме стационарных поселений, всегда существовали сезонные, хозяйственные стоянки. Все кочевники имеют постоянные места сбора, убоя, отела оленей и проведения, связанных с этой деятельностью, праздников и обрядов.

Между этими двумя моделями - оседлой и кочевой - существует масса переходных.

Есть олениводы, у которых тысячи оленей и они совершают за год тысячекилометровые кочевки с юга на север и обратно. Это ненцы, нганасаны, долганы, чукчи, коряки. Для них олени это все: пища, транспорт, одежда, жилище.

Для других олениводств, у которых небольшие стада оленей, используемые в основном, как транспортное средство, а также для изготовления одежды, утепления жилища, основной источник питания - охота и рыболовство. Это жители бореальных лесов и гор: саами, коми-ижемцы, северные ханты, северные селькупы, эвенки, лесные ненцы, энцы, эвены.

Есть народы, для которых основа жизни - рыболовство, это оседлые и полuosедлые рыболовы и охотники зоны тайги и тундры (живущие в долинах больших рек). К ним относятся отдельные этнотерриториальные группы из числа практически всех перечисленных выше олениводческих коренных малочисленных народов Севера, но особенно данный хозяйственно-культурный тип распространен в речных долинах тундровой зоны среди саамов, хантов, долган, юкагиров, чуванцев. К этому типу традиционного природопользования принадлежат также группы коми, якутов и русских старожилов от поморов на западе до гижигинцев на Северо-Востоке.

Рыболовством они занимаются, в основном, летом и осенью. А зимой ездят на охоту на собачьих упряжках. Многие из этих народов, живущих на морском побережье, занимаются промыслом морских животных.

Эскимосы, береговые чукчи и береговые коряки в основном занимаются охотой на морского зверя, но так же рыболовством. В то же время, на Чукотке есть представители эскимосов, которые перешли к олениводству.

Часть юкагиров, известных, как лесные бродячие охотники, рыболовы, собиратели, в долине р. Алазеи также перешла к оленеводству. Часть эвенов, старинное название которых *ламуты* переводится как «живущие у моря», занялись также оленеводством.

Эти переходы от одного основного занятия к другому случались, видимо, за тысячи лет у предков этих народов не один десяток раз.

Такие переходы объясняются несколькими причинами.

Одна из гипотез - изменение климатических условий. Например, когда на Севере происходит потепление, наступают зимы с гололедом, олени гибнут от бескормицы, предполагается, что в это время становится больше рыбы и морского зверя. Поэтому отдельные группы переходят от оленеводства к рыболовству и морзверобойному промыслу. Когда наступает похолодание, рыба и морские звери уходят, часть рыболовов и морзверобоев переходит к оленеводству.

На образ жизни коренных народов Севера влияют и исторические события. Когда были великие переселения народов, и по сибирским просторам прокатывались то племена гуннов, то татаро-монголов, некоторые народы уходили от войн на Север. Так современные народы, относящиеся к самодийской группе языков (ненцы, энцы, нганасаны), угрофинской группе (ханты, манси, саамы), тунгусо-маньчжурской и тюркской (эвены, эвенки, долганы и др.), а также юкагиры имеют, по результатам археологических, лингвистических исследований и по данным сравнительного анализа материальной культуры, более южное происхождение. Их далекие предки проживали на Алтае, в Саянах, в Прибайкалье, и некоторые элементы мифологии этих народов отражены в петроглифах (наскальных рисунках) на скалах Ангары, верхних течений рек Лены и Енисея.

В настоящее время эти народы живут на Севере, а нередко и за Полярным кругом. Естественно, что продвижение на Север на многие тысячи километров, изменение окружающей природной среды и ресурсной базы изменили их способы адаптации к окружающей среде, виды хозяйственной деятельности. Менялся и их антропологический облик, потому что пришельцы с юга смешивались с местным, так называемым палеоазиатским населением. Археологические древности, свидетельства заселения низовий северных рек, таких как Енисей, Лена, Индигирка, Колыма, датируются десятками тысяч лет.

Все коренные малочисленные народы Севера занимаются собирательством и используют природные богатства тундры и леса. Травы, корни, ягоды, грибы используются в пищу и как естественные консерванты для хранения рыбы и мяса, а также в качестве лекарства. Древесина используется для жилых, хозяйственных и культовых построек, для изготовления домашней утвари. Глина, песок, камни также используются для домашних построек, устройства очагов, изготовления посуды, инструментов. Из камня делались ступы и песты, светильники-«жирники», многие народы, например, до сих пор считают каменные скребки лучшими для обработки шкур. Также коренные народы Севера занимаются сезонной охотой на птиц и сбором яиц диких птиц.

Характерной особенностью традиционного природопользования является его практическая безотходность. С этим связаны распространенные у коренных малочисленных народов разнообразные, порой неожиданные, виды традиционных промыслов и занятий. Из костей рыб варили клей, кожа крупной рыбы шла на изготовление непромокаемой обуви и одежды. Для этого же используются шкуры морских животных. Шкурой нерпы до сих пор подбиваются охотничьи лыжи и полозья

нарт. Из шкурок птиц шили одежду, из костей птиц делали иголки и игольники. Оленеводы костями оленей отапливают, иногда и в настоящее время, при отсутствии другого топлива, жилища в тундре. А из рога оленя вырезают великолепные изображения животных и человека.

Археологам известно, что традиционное природопользование включало обмен с глубокой древности как хозяйственной продукцией, так и минеральным сырьем между территориальными группами. Каменные орудия были найдены за сотни километров от месторождений кремня, из которого они были изготовлены, оленеводы изготавливали оленью упряжь из шкур морских животных, а морзвербои и рыболовы питались в зимние месяцы оленьим мясом и шили одежду из оленьих шкур.

Разнообразны проявления материальной культуры народов Севера, связанные с традиционным природопользованием.

Традиционные жилища народов Севера соответствуют образу жизни и видам деятельности каждого народа или его локальной группы. Оседлое население строило свои, углубленные в землю жилища, используя дерево, пласты дерна, снега, кости крупных животных. Кочевники оленеводы до сих пор используют во время кочевки наземные разборные конструкции, чумы, яранги, состоящих из деревянного каркаса и меховых покрышек.

Чрезвычайно разнообразна одежда народов Севера. При изготовлении одежды кроме меха пушных и морских зверей народы Севера используют шкурки птиц, кожу рыб, китовый ус и другие необычные материалы. Следует отметить, что основные способы кроя одежды, распашной, и нераспашной, одеваемой через голову или как комбинезон, народы Севера донесли до наших дней из глубокой древности. По покрою одежды, украшениям на ней, орнаменту народы Севера легко отличают друг друга не только по национальности, но и по локальным особенностям внутри одного народа.

Сейчас большинство представителей народов Севера использует национальную одежду как праздничную, но кочевники-оленеводы работают в стадах в своей национальной одежде из оленьего меха, потому что она наиболее хорошо приспособлена к суровому северному климату и тяжелой, подвижной работе на морозе. Эту одежду носят мехом внутрь, олений волос осушает и очищает кожу от пота и грязи, при этом, благодаря ломкости оленьего волоса, загрязнившиеся кончики отваливаются, и одежда остается всегда чистой. Народы, использующие одежду из оленьего меха, изготавливают специальные орнаментированные палки для выколачивания мехового платья.

Из транспортных средств народы Севера издавна изготавливают лодки, катамараны из скрепленных лодок. Материалом у большинства служит дерево, но приморские народы также изготавливают лодки из шкур морских животных. Изготавливают лыжи различной формы, в том числе плетеные широкие снегоступы. Нарты для оленьей и собачьей упряжки имеют разнообразную форму и назначение, грузовые, ездовые, женские, мужские, детские, обрядовые.

Сокращение площадей и ресурсной базы традиционного природопользования и одновременное изменение стандартов уровня жизни на более высокие заставляют искать новые виды деятельности, вписывающиеся в традиционный образ жизни, например, занятие прикладным художественным искусством, изготовление этнографических сувениров, участие представителей коренных народов Севера в охране и изучении природы, в развитии экологического и этнического туризма.

Снижение качества окружающей среды при промышленном использовании природных ресурсов обязывает государство создавать особо охраняемые природные территории традиционного природопользования народов Севера. И этот процесс уже начался в России, хотя из-за несовершенства законодательства развивается пока очень медленно.

Ниже представлены очерки по основным видам традиционного природопользования и хозяйственной деятельности в порядке их возникновения.

Охота и морской зверобойный промысел

Охота - древнейший вид традиционного природопользования, известный со времен появления человека на земле. Кости диких животных находят на самых ранних стоянках древнего человека, сцены охоты украшают стены пещер, где обитали древние люди, сложные конструкции из костей и черепов животных указывают на места проведения древних охотничьих обрядов, посвященных животным.

Охота на сухопутных животных

Охотой занимались все без исключения коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Для зоны Арктики наиболее характерной была охота на дикого северного оленя (Симченко, 1976).

Охота издавна подразделялась на мясную и пушную: с целью добычи мяса или шкур животных.

В некоторых случаях, когда охотились на дикого оленя, лося, белку, зайца, использовали и мясо и шкуру.

Охотниками различных регионов и народов использовались разнообразные приемы и сроки охоты.

На крупного копытного зверя на тропах, на местах переправ через реки ставили загороды и петли, настораживали самострелы, охотились и гоним (особенно по насту), подкарауливали на солонцах и били из ружья, а также устраивали искусственные солонцы.

До недавнего времени у хантов и манси бытовали самострел и ручной лук. Лук самострела делался из одного куска дерева. Настораживали лук и на мелкого зверя, а также на медведя, и на лося. Ручной лук у хантов и манси был сложный. Склеивался он из двух полос дерева: внутренняя делалась из кедровой «крени», а наружная — из березы. Эти склеенные полосы снаружи обертывались тонкими полосками вываренной бересты. Тетиву делали из крапивы или конопли, для этого волокна их мочили, сушили, вытягивали и, наконец, проклеив, обматывали тончайшими берестяными полосками.

Стрелы делали еловые в 1/2 м длиной; железные наконечники были разных видов: развилкой — на уток, копьем — на медведя и выдру, неглубокой развилкой и в виде ножа — на лося, с зубцами — на рыбу и т.д. Наконечник клеивали в древко серой и обматывали ниткой. Оперение делали из перьев орла или ястреба. Употребляли стрелу, свист которой напоминал свист ястреба, несущегося на добычу. Услышав этот свист, утки и гуси падали вниз на воду, где их били уже другой стрелой, с развилкой. Свистящую стрелу употребляли также при охоте на зайца, пуская стрелу над ним.

На сухих болотных островках, куда лось ходит за свежей травой, его добывали настороженными самострелами.

Добывали лося и другим, очень старинным коллективным способом — загородками и ямами, устраиваемыми на ежегодных путях миграции зверей.

Основными объектами охоты, кроме дикого оленя., были песец, лисица, заяц, горноста́й. Изредка промышляли россомаху, речного бобра, выдру, волка, белого и бурого медведей.

Средством передвижения на промысле служили лыжи из тальника или березы, подшитые шкурой морских животных.

Жители таймырской тундры - нганасаны весной, вслед за стадами диких оленей, откочевывали от границы леса, где проводили зиму, на север, вглубь полуострова Таймыр. Летом часть охотников налегке уезжала за диким оленем еще дальше на север. Остальные ловили рыбу и добывали линных гусей. Осенью нганасаны располагались на «поколках» (на местах, где из года в год охотились на диких оленей, переправлявшихся через реки и озера).

У селькупов орудиями добычи были лук, пасть, клящы, черкан, силок, капкан. Селькупский лук, был распространен еще в начале XX в. Пользовались им, главным образом, для охоты на птицу (гусей, уток) и на белку.

Селькупский сложный лук славился свои качествами среди соседних народов и выменивался ими у селькупов. Стрелы оперялись орлиными, реже лебязьими перьями. Прежде у селькупов особенно широко был распространен самострел (поставушный лук). Ставили его и на мелкого, и на крупного зверя - медведя, россомаху, лисицу, колонка, а для настораживания лука имелись выточенные из дерева мерки с изображением медведя, лося и других зверей.

На диких оленей охотились сообща. При коллективном промысле охотники уходили большими партиями в безлесные пространства болот (тундры) и оттуда, следуя цепью, загоняли оленей в лес. Там, на глубоком и мягком снегу, они догоняли животных на лыжах и закалывали их копьями или ножами. Иногда убивали из ружья или лука диких оленей, прибежавших во время осенней случки к домашним оленям. На лосей охотились несколькими способами. Осенью выкапывали ямы на звериных тропах в тайге, зимой гонялись за ними на лыжах, а весной, при переправах лосей через реки, их промышляли с веток (долбленных челноков).

Юкагиры еще во второй половине XIX в. сохранили древние орудия для охоты на морских птиц - метательный дротик и пращу. Известный русский путешественник 20-х гг. XIX в. Ф.П. Врангель описал эти орудия, а также другие способы охоты юкагиров: «берега рек покрывались бесчисленным множеством ловушек, силков, кляпцов и пастиков всякого рода для соболей, россомах, лисиц, белок и горностаев. Каждый трудолюбивый юкагир ежегодно выставлял с первым снегом в разных местах до 500 ловушек и в продолжение зимы осматривал их множество раз».

У народов тунгусо-маньчжурской группы, имевших и не имевших оленей, охота оставалась самым распространенным и любимым занятием.

Первое место занимала охота на копытных животных, служившая основным источником питания и дававшая материал для одежды, жилища и изготовления всевозможных предметов, необходимых в хозяйстве охотника.

Основными охотничьими орудиями длительное время (в некоторых районах до начала XX в.) были двояко выгнутый сложный лук и простой лук (у охотско-амгуньской части эвенков), самострелы и пасты, кулемы, черканы. В конце XVIII в. у эвенков появляются

ружья, ставшие впоследствии главным орудием промысла. Наряду с луком или ружьем при охотнике всегда была пальма — большой нож на длинной рукоятке, заменявший топор при переходах по тайге и копьё при охоте на медведя. Несколько позже появления ружья к упомянутым выше самодельным деревянным ловушкам добавились стальные капканы, получившие особенно широкое распространение на севере, в полосе лесотундры. Луком с железными стрелами и ружьем охотились, главным образом, на лося, оленя, косулю, медведя, росомаху, волка, лисицу, песца. На них же обычно расставляли на тропах различной высоты самострелы, разных размеров пасти и кулемы. Капканы ставили преимущественно на лисиц, иногда, на волка. Для охоты на мелких пушных зверей (горностаи, колонок) пользовались черканами, на белку — плашками. На соболя в начале зимы охотились с собакой, которая лаем давала знать о местонахождении соболя или загоняла его на дерево или в нору, откуда его выгонял охотник и убивал.

Шкурки пушных зверей служили в прошлом больше для украшения и только частично были предметом обмена.

Например, у оленеводов шились малицы из шкур оленей, хорошо подобранных по масти, нередко с капюшоном из меха выдры. На женской одежде имелась опушка из лисьего и выдрового меха, воротники делались из песцовых хвостов.

Дальнейшее развитие обмена увеличивало значение пушной охоты в хозяйстве эвенков и эвенов, а появление русских служилых людей, которые требовали ясак пушниной, и русских торговцев, скупавших ее, выдвинуло этот промысел на первое место.

На птиц ставили петли и охотились с ружьем.

На водоплавающую птицу охотились обычно весной, во время прилета, и летом, во время линьки. Весной добывали уток и гусей перевесами: между водоемами - озерами, протоками реки натягивали сети. Птицы, перелетая с одного водоема на другой, попадали в эти сети. Зимой добывали куропатку петлями, силками; на куропатку охотились также с ружьем и собакой. Летом добывали изредка уток волосяными петлями.

Продукция охотничьего промысла обрабатывалась обычно женщинами.

Они занимались трудоемким процессом выделки шкур крупных животных и мелких пушных.

На выделку шкуры дикого оленя или лося уходило 2-3 дня. Для выделки использовались различные биохимические природные ингредиенты - моча, зола и т.п.. Соскабливание мездры производилось аутом, двуручным скребком, состоявшим из палки-рукоятки со вставленным в середину лезвием, вначале каменным, затем железным. Каменный скребок до сих пор считается предпочтительным, так как он более деликатно обрабатывает шкуру. Умели обрабатывать и птичьи шкурки, которые шли для изготовления одежды.

Шкуры крупных копытных шли на изготовление покрышек жилища, постели, одежды.

Мясо диких животных заготавливалось впрок путем вяления и копчения.

Кишки и внутренности (ливер) проваривались и заготавливались в виде колбас.

Кости животных в безлесных местностях использовались для отопления.

Коренным народам были известны лечебные и общеукрепляющие свойства пантов. Рожки молодых копытных поедали в сыром виде.

Барсучий и медвежий жир также использовался в народной медицине.

Части шкуры с ног дикого оленя шли для изготовления обуви. Щетки с копыт употреблялись для укрепления подошвы. Лопаточные кости крупных животных использовали как лопатки для выкапывания луковиц диких растений, которые заменяли в питании народов Севера картошку.

Продукция пушного промысла шла, в основном, на сбыт. С приходом русских шкурки пушных зверей превратились в эквивалент денег. Ими платили натуральный налог государству - ясак, на них покупали порох, соль, железные изделия.

В сказках всех народов Сибири мы найдем сюжеты, где рассказывается о том, что природа наказывает жадных и жестоких охотников. Животные являются объектами почитания. У многих народов можно встретить «род лося», «род зайца», «род медведя». Это значит, что люди некогда верили, что их предки произошли от этих животных. В честь этих животных устраиваются праздники. Бережное и уважительное отношение к животным сохранилось у охотников аборигенов до сих пор.

Охотничий инстинкт, навыки и умения, знание повадок животных - все это очень сильно развито у народов Севера. Охота к тому же является престижным занятием. Мужчина оставшийся без охотничьего билета не находит себе места в поселке в охотничий сезон. Первоочередное предоставление охотничьих участков и лицензий для представителей коренных народов в местах их традиционного проживания предусмотрено законом. Поэтому странной и несправедливой представляется современная практика передачи традиционных охотничьих угодий народов Севера для коммерческой, любительской и спортивной охоты.

Но именно повсеместное распространение и закрепление этой практики предполагает принятый в 2009 г. Федеральный закон «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов». Все без исключения охотничьи угодья будут с апреля 2010 гг. выставляться на аукцион. В конкурсах на получение охотничьих угодий сейчас принимают участие крупные коммерческие объединения охотников, которые зачастую получают угодья бывших охотничьих госпромхозов. В аукционах смогут принять участие все, в том числе и крупные промышленные компании, работающие в Арктике. Победит тот, кто сможет заплатить больше денег. Это приведет коренные народы Арктики к лишению возможности охотиться а, следовательно, к утрате охотничьих навыков и традиционных знаний коренных народов, связанных с данным промыслом.

Морской зверобойный промысел

Морской зверобойный промысел был издавна известен всем жителям морского побережья.

Охота на морского зверя была распространена по морскому побережью и в устьях больших рек среди саамов и западных групп ненцев на Европейском Севере и восточных ненцев на Новой земле. Основными объектами были нерпа и морской заяц, второстепенными - белуха, гренландский тюлень и морж. Уже в XIX в. охота производилась главным образом с помощью ружья. К лежащему на льду зверю подкрадывались, подползая к нему с подвижным прикрытием — продолговатым щитом, укрепленным на двух полозьях. Применялся также способ добычи нерп железными крючьями, подвешиваемыми внутри продушины, сделанной зверем во льду. Крючья не мешали нерпе вылезти на лед, но при попытке нырнуть в воду задерживали ее. В

настоящее время этими крючьями добывают в основном раненых зверей. В старину же тюленей промышляли только гарпуном.

На Чукотке морскими охотниками были приморские чукчи и эскимосы.

Морской зверобойный промысел занимал большое место в хозяйстве приморских чукчей. Главными промысловыми животными являлись морж, кит, несколько видов тюленей (главным образом, нерпа и морской заяц - лахтак).

До распространения огнестрельного оружия основным орудием охоты на морских животных являлся гарпун такого же типа, как и у эскимосов. Зимой и весной на нерпу охотились у так называемых продухов - отверстий во льду, проделываемых нерпой для дыхания. На зимнем промысле охотник с помощью обученной ездовой собаки находил продух и ставил в него сеть в форме люльки, в которой запутывался тюлень. Другой, более распространенный вариант этого способа заключался в том что, найдя продух, охотник садился около него с подветренной стороны и ждал появления зверя. Услышав дыхание подплывавшего тюленя, он бросал в него гарпун, вытаскивал добычу на лед и добивал ее ударом по носу. Кроме такой охоты у продухов, чукчи выезжали зимой на собаках к кромке льда и охотились с гарпуном на тюленей, появившихся я разводьях. Весной, когда начинало пригревать солнце и тюлени вылезали через продух на снег греться на солнце, охотник подползал к лежащему на льду зверю и убивал его гарпуном. Требовалось большое искусство, чтобы подползти к чутко дремлющему тюленю. При этом применялась маскировка: охотник надевал специальную шапку из шкуры тюленя, имитирующую его морду. Он полз медленно, подражая движениям этого животного, и время от времени царапал снег особым скребком с прикрепленными к нему когтями тюленя. Когда тюлень поднимал голову, охотник замирал, затем продолжал ползти, пока не приближался на расстояние броска гарпуна. Летом охотники добывали тюленя с помощью такого же гарпуна с небольшой байдары (кожаной лодки) или сетью сплетенной из тонкого прочного ремня, сделанного из шкуры лахтака.

Тюленей промышляли индивидуально, а охота на моржа и особенно на кита производилась коллективно. Моржа промышляли главным образом весной и летом (с начала мая до октября). На промысел выезжали на байдаре. На носу байдары находились один или два гарпунщика, посредине - 5 или 6 гребцов, на корме - байдары хозяин (владелец байдары). Обнаружив плывущих среди льдов моржей охотники догоняли их, гарпунщики бросали в них гарпуны. Поплавок из шкуры тюленя, снятой чулком и надутой воздухом (бук), привязанный к ремню гарпуна, затруднял движения раненого моржа, стремившегося спастись бегством, а также не давал затонуть убитому зверю и указывал его местонахождение. Обессилевшего моржа добивали копьем, буксировали к ближайшей прочной льдине и там свеживали. При промысле отгоном применяли специальную хлопушку из китового уса. Звуки, производимые ударами ею по воде, напоминали звук, издаваемый врагом моржей - хищной китообразной касаткой. Охотники на байдарках окружали перепуганных моржей и выгоняли их на берег. Выбравшихся на берег зверей убивали копьями.

С появлением огнестрельного оружия при охоте на моржей гарпуны стали играть подсобную роль.

В охоте на кита участвовало несколько байдар. Осторожно на веслах приблизившись к киту, охотники бросали в него гарпуны, более длинные, чем моржовые, и снабженные 2-3 парами поплавков. Добивали обессилевшего кита специальным длинным копьем и буксировали к берегу.

Во второй половине XIX в. широко распространилось огнестрельное оружие (нарезные магазинные и специальные китобойные ружья); применение его привело к исчезновению одних из описанных способов охоты и к упрощению других.

Зимой и весной стали убивать тюленя у продуха из винтовки. Во время весенней охоты отпала необходимость подползать близко к дремлющему тюленю, а в связи с этим исчезла и маскировка со всеми ее принадлежностями (специальной одеждой и скребками). Иногда охотились прямо с нарты.

Почуя зверя, упряжка собак так быстро неслась, что тюлень не успевал уйти под лед, и охотник, соскочив с нарты, стрелял в него. Убитого из винтовки тюленя вытаскивали выброской - особым приспособлением с крючками на длинном ремне.

При охоте на моржей с огнестрельным оружием охотники с байдары (или вельбота) стремились сначала ранить животное. Когда раненый морж начинал выбиваться из сил, к нему подплывали ближе и убивали его выстрелом в голову. Одновременно с последним выстрелом бросали в моржа гарпун и выбрасывали за борт поплавков для того, чтобы убитый зверь не затонул. При преследовании группы моржей немедленно после убоя первого моржа гналась за следующим, выбрасывая каждый раз поплавок, затем буксировали убитых зверей к ближайшей льдине, где и свеживали.

Продукция морского зверобойного промысла для приморских чукчей и эскимосов имела огромное значение. Мясо убитых животных составляло основу их питания. Оно же шло на корм ездовым собакам. Шкуры нерп использовались для пошива летней одежды и обуви; шкуры моржей употреблялись при устройстве яранги (летняя крышка, подстилка на полу), на обтяжку байдар и т.д.; из шкур лахтака делали подошвы и ремни разной ширины и толщины для хозяйственных и промысловых надобностей. Собачья упряжь целиком изготовлялась из шкур морских животных. Моржовый клык шел на мелкие поделки, кости кита - на подполозья для нарт и т.д. Жиром морского зверя отапливалось и освещалось жилище. Нерпичий жир использовался в народной медицине.

Таким образом, благосостояние приморского населения целиком зависело от удачной охоты на морских животных.

Российско-Американская компания сыграла значительную роль в формировании товарно-денежных отношений в сфере морского зверобойного промысла среди коренных народов Северо-востока и Дальнего Востока России. Агенты компании скупали не только шкуры морских зверей, но и субпродукты, такие как моржовый клык, китовый ус, спермацет.

Влияние Российско-Американской компании на жизнь коренных народов длилось почти 90 лет - с 80-х гг. XVIII в. до ее ликвидации в 1867 г. (после продажи Аляски и Алеутских островов США). Российско-Американская компания контролировала все охотничьи промыслы населения восточного побережья Российской империи, как сухопутные, так и морские.

Охота на моржей и нерпу продолжалась у народов Севера и в XX в.

Китовый промысел был запрещен во всем мире в 70-е гг. XX в.

Но для коренных народов он был разрешен. В настоящее время для развития аборигенного промысла на китообразных (кита, белуху) нужны инвестиции. Китовый промысел по примеру зарубежных стран можно развивать и как туристический бизнес.

У морских зверобоев существует культ морских животных, на которых они охотятся. В честь добытых китов и моржей устраивались обрядовые праздники. Смысл обрядов заключается в благодарении природы за удачную охоту, в испрашивании у убитого животного прощения, в ритуальном переселении души убитого животного в новое материальное тело. Во время обрядового праздника его участники готовили праздничную пищу, часть которой отдавали морю, чтобы морские животные возрождались. В фольклоре морских охотников существуют сказки и мифы, в которых запрещается убивать животных больше, чем это необходимо для пропитания, осуждается жестокое обращение с животными и убийство детенышей. Герои этих сказок, повинные в жадности и жестокости, обычно бывают наказаны природой, и охотники верят, что они должны быть на охоте справедливы и честны.

О том, как относятся морские охотники к китам, прекрасно сказал современный эскимос-охотник Николай Галгаугье: *«Много есть замечательных зверей, но киты лучше всех. Когда они идут в море мимо байдары, такие великие и спокойные, сразу понимаешь свое место на земле и внутри тебя тепло становится... На китов глядеть очень интересно, главное полезно и необходимо, чтобы полноценным человеком и охотником стать. Киты дают нам спокойствие и красоту жизни»* (Богословская, 1996).

Рыболовство

Коренные малочисленные народы Арктики и Субарктики все без исключения занимались рыболовством. Рыболовство является одним из древнейших видов природопользования. Кости рыб находят на самых ранних стоянках древнего человека.

Объекты, способы и орудия рыболовства

В зависимости от географии мест проживания коренных малочисленные народы Арктики и Субарктики они практиковали озерное, речное и морское прибрежное рыболовство.

Рыбу в реках и озерах ловили круглый год.

Приморские жители занимались также и морским прибрежным ловом. Существовало несколько способов. Недалеко от устьев нерестовых рек ставили сети, один конец которых закреплялся на берегу, а другой - в море.

На лодках выходили в море и ловили сетями навагу, треску, черпали сачками уйка.

На треску и навагу в прибрежной морской зоне ловили крабов. Собирали по отливу моллюсков.

Предметом добычи речных и озерных рыболовов являлись лососевые и сиговые рыбы (семга, форель, осетр, нельма, омуль, муксун, стерлядь, чир, налим, пна, карась, окунь, язь и др.).

Различные племена изобрели множество орудий лова, приспособленных к разным условиям и объектам рыболовства.

Основными орудиями лова являлись различные сети и снаряды, плетеные из тальниковых прутьев, называемые *морда*. Мелкую рыбу ловили сетью, представляющей собой узкий длинный мешок конической формы, достигающий иногда 5-6 м длины. Эту сеть ставили в загородку из плетеных прутьев, образующую острый угол с широким основанием, укрепляя ее в вершине угла. Среди разнообразных сетей следует отметить два типа, существующие до сего времени. Первый тип - это комбинированная сеть, рассчитанная на одновременный лов различной по величине рыбы, что достигается устройством и размерами ячеек сети. Сверху от поплавков идут крупные ячейки, затем

следуют ячейки мельче и мельче. Нижняя часть сети снабжена грузилами из речной гальки, прикрепленными к сети, расщепленным корнем кедра. Второй тип сети представляет собой длинную сеть без поплавков и грузил: верхний конец ее привязан к жерди. Сеть пускают ночью поперек реки по течению, следуя за ней по бокам на лодках и придерживая концы жерди.

Способы заготовки и использования продукции рыболовства

Способы заготовки рыбы различались по сезону, виду рыбы.

Рыбу ели сырой, мороженой, вареной и вяленой, квашеной. Летом рыбу вялили на вешалах, устраиваемых тут же около летнего стойбища, подкапчивали над разведенным под вешалами дымным костром. Из внутренностей вытапливали в больших котлах рыбий жир, который являлся немаловажным продуктом питания, он шел в пищу в чистом виде или смешанный с толчеными ягодами, на нем жарили лепешки и приготавливали из него «варку», для чего проваривали в нем истолченную сухую рыбу. Такую «варку» всегда брали в дорогу и на охоту. Иногда всю мелкую рыбу сушили и толкли в муку, из которой варили болтушку, которой приправляли растительные блюда.

Основным видом заготовки летом было вяление рыбы и приготовление юколы.

Вынутые при изготовлении юколы из рыб кости невыбрасывали, а сушили, толкли и тоже употребляли в пищу и на корм собакам. Рыбьи пузыри также сушили и делали из них клей. У некоторых народов рыбьими пузырями закрывали оконные проемы. Из вяленой рыбы приготавливали порсу, раскладывали провяленную рыбу на полосы выделанной бересты (тиски) и размельчали ее ударами большой деревянной колотушки. Порса хранилась в мешках из рыбьей кожи.

Отдельно квасили головки рыбы, применяя при квашении различные травы. Квашеные головки считались у большинства народов Северо-Восточной Сибири лакомством.

Часть осенних уловов квасили в ямах с применением трав. Ямы для квашения устраивались вдоль реки по маршрутам следования охотников. Рыбу клали туда, очистив от внутренностей, слоями, отделяя один слой от другого настиллом из травы. Сверху все это покрывали берестой и землей. Квашеная рыба служит источником витаминов в зимнее время и основным питанием для охотников и собак.

Еще в середине XX в. икру не солили, а сушили в ястыках. Мешок такой сушеной икры мог прокормить охотника и его собак в течение долгого времени.

Зимой рыбу ели в сыром замороженном виде - строганина.

Из рыбы готовили множество различных блюд. Варили разные виды ухи.

Частым блюдом был жир, вываренный из внутренностей рыбы и смешанный с икрой, кусочками рыбы. Сырую рыбу поджаривали над костром, нанизав на рожон. Сейчас такой способ приготовления называют «шашлык».

Интересными являются описания использования кожи крупных, преимущественно лососевых видов рыб.

Рыбьи пузыри большинство народов Сибири использовало в качестве емкостей для сыпучих тел, а также как материал для заделывания оконных проемов.

Из рыбьей кожи шилась промысловая непромокаемая одежда, сапоги.

Изготавливались мешки, покрышки для шалашей.

Рыбу заготавливали не только для собственного потребления, но и для продажи и обмена.

Ежегодно с установлением санного пути в поселки рыболов приезжали оленеводы и обменивали мясо и шкуры оленей на рыбу.

Уже в XVII в. в Сибири установились цены на рыбу. Так, на Обдорской ярмарке (ныне Салехард) твердой валютой служил муксун. За три муксуна можно было купить нож, за 50 муксунов - ружье.

Объемы запасаемой рыбы

У многих народов Сибири и Дальнего Востока, рыболовство занимало первое место в экономике, служило основой жизнеобеспечения.

Чиновники царской России вели учет запасенной «сибирскими инородцами» рыбы, но не с целью ограничения запасов, а с целью предотвращения голодовок. Так, в XIX, начале XX вв. в обязанности старост селений коренных жителей входили учет заготовленной рыбы и побуждение «инородцев» заготавливать ее больше. Нормой в Охотско-Камчатском крае (включавшем тогда весь северо-восток от Чукотки до Благовещенска) считалось, если заготовлено по одной вяленой рыбе в день на человека, не считая всех остальных запасов, то голода не будет.

В настоящее время традиционное рыболовство коренных малочисленных народов переживает тяжелые времена. Несмотря на приоритетность традиционного рыболовства, предусмотренную законодательством, в большинстве регионов квота для традиционного рыболовства народов Севера выделяется по остаточному принципу. В большинстве регионов коренные малочисленные народы получают на год право на вылов менее 30-50 кг рыбы из расчета на человека, что, по отдельным оценкам, в среднем в 6-10 раз меньше естественной потребности, так как рыба для коренных малочисленных народов, не имеющих больших стад оленей, продолжает оставаться практически единственным источником белка, тем более, что в настоящее время большинство из коренных жителей безработные и не имеют денег для покупки мяса, а в маленькие рыболовецкие поселки его и не завозят, зная о низкой покупательной способности населения.

Эти ограничения выглядят неразумными на фоне переловов, которые осуществляют многие коммерческие компании. Горы гниющей, не переработанной рыбы в местах ее промышленной переработки и недостаток традиционного питания в маленьких прибрежных поселках аборигенов - это свидетельства бесхозяйственности и социальной несправедливости, которые вынуждены видеть и переживать коренные народы Севера.

Собирательство

Собирательство - одно из древнейших занятий коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Объектами собирательства были разнообразные съедобные плоды, травы для плетения, все, что оставалось на морском берегу после отлива.

Собирательство включает традиционный сбор яиц водоплавающих птиц, а также сбор заготовку, переработку и реализацию ягод, орехов, мха.

Все без исключения народы собирали дикорастущие растения.

Недостаток мучнистой пищи восполняли сбором клубней дикорастущих лилейных - кандыка, сараны, пеона. Заготавливали эти мелкие клубни мешками, они заменяли картофель.

Своеобразным был сбор сараны. Эти клубни в огромном количестве запасали на зиму полевые мыши. Использовались мышами лишь небольшая часть заготовок. Весной, в местах мышиных складов, зацветали своеобразные клумбы.

Аборигенные народы давно оценили запасливость мышей, и в августе-сентябре женщины и дети выходили раскапывать мышиные склады. Специальной палкой выстукивали в земле пустоты, разрывали норы медвежьей лопаткой или специальной изогнутой палкой с каменным наконечником и забирали урожай. Чтобы мыши «не обиделись» в норки клали всякую мелочь, лоскутки, камешки, ракушки.

Луковицы сушили, толкли, делали муку, которую добавляли в мясные и рыбные блюда.

Собирали ягоды черемухи. Ягоды сушили, толкли, делали черемуховую муку, из которой пекли лепешки.

Повсеместно собирали крапиву (там, где она произрастала), ее волокна обрабатывали и использовали для изготовления ниток, веревок, вязания сетей.

Заготавливали осоку, камыш другие волокнистые травы, которые использовали для плетения циновок. Из разных видов травы и лозы, специально обработанных, плели сумки, корзины.

Некоторые народы Сибири (юкагиры, чукчи, коряки, ительмены и др.) собирали мухоморы и использовали их как галлюциногенное средство.

В большом количестве повсеместно собирали черемшу (дикий чеснок). Черемшу замачивали и добавляли в мясную и рыбную пищу. Использовали как противоязвенное средство.

Недостаток витаминов восполнялся употреблением молодых побегов зонтичных, например, медвежьей дудки. Эти побеги ели в сыром виде ранней весной. Корень медвежьей дудки употребляли как лечебное средство, отвары внутрь, растертый корень наружно.

Собирали орехи и кончики веток кедрача, которые использовали также в лечебных целях при кашле.

В большом количестве собирали ягоды: бруснику, морошку, голубику, шикшу, княженику, жимолость. Ягоды употребляли в сыром и моченом виде. Добавляли их к рыбным блюдам, и блюдам из мяса и жира нерпы.

Сезонным видом собирательства у приморских жителей являлся сбор яиц водоплавающих птиц.

В настоящее время сбор дикорастущих растений продолжает иметь большое значение для народов Севера. Продукция собирательства используется как для личного употребления, так и для продажи.

Развитие собирательства и переработки дикорастущих растений в районах Севера имеет большую перспективу. Ресурсная база здесь огромная. Для сушки или вакуумной консервации дикорастущих растений не нужны большие затраты. Учитывая большой современный спрос на дикорастущие растения, особенно в виде различных целебных чаев, сушеных ягод, рынок этой продукции в ближайшее время обеспечен.

Оленеводство

Оленеводство - это один из наиболее распространенных видов деятельности, относящихся к традиционному природопользованию коренных малочисленных народов, проживающих в Арктике и Субарктике Российской Федерации.

Все российские авторы XVI в., описывавшие хозяйство коренных народов Арктики России, отмечают у них наличие оленеводства. Западноевропейские авторы фиксируют наличие оленеводства у лопарей (саамов) уже в V в. н.э. В Западной Сибири оленеводство появляется на рубеже I-II тыс. н.э. и распространяется на восток.

Этническая типология оленеводческих народов

В XX в. в России оленеводством занимались 19 из 26 малочисленных народов Севера (по номенклатуре декрета ВЦИК РСФСР 1926 г.), включая коми-ижемцев (субэтнос коми-зырян), карелов и северную этнотерриториальную группу якутов-саха (Клоков, 2004).

По этиолингвистической классификации все они относятся к 3 языковым семьям и 4 языковым группам; два этноса представляют языковые изоляты.

Уральская семья языков представлена оленеводческими народами самодийской языковой группой (ненцы, нганасаны, энцы, селькупы) и финно-угорской языковой группой (ханты, манси, саамы, карелы и коми-ижемцы). К Алтайской семье языков относятся оленеводческие народы тюркской языковой группы (долганы, якуты-саха) и тунгусоманьчжурской (эвенки, эвены) группы. К чукотско-камчатской семье языков относятся коряки, чуванцы и чукчи. Наконец, к этносам-изолятам по этнолингвистической классификации относятся кеты и юкагиры.

Оленеводческие народы уральской языковой семьи, по некоторым оценкам (К.Клоков, 2004), сейчас контролируют 74% всего поголовья домашних оленей в России, тогда как, по данным приполярной переписи 1926/27 гг., их доля не превышала 54%. При этом очевидно доминирование самодийских народов (прежде всего, ненцев) в домашнем оленеводстве России, доля которых в общероссийском поголовье оленей сейчас превышает 53%.

Наиболее драматично в конце XX в. сократилось оленеводство у народов чукотско-камчатской семьи, где основными оленными этносами являются чукчи и коряки. Если по данным приполярной Переписи 1926/27 гг., народы этой языковой семьи имели 34% оленей России, то сейчас - не более 10%.

Общее число оленеводческих народов в России сокращается. По имеющимся сведениям, к началу XXI в. оленеводство сохранилось у 16 из 19 малочисленных народов Севера (по сравнению с 1926 г.). Еще несколько десятилетий назад домашних оленей держали кеты, нганасаны и негидальцы (в начале XX в.), а также карелы, отдельные группы русского старожильческого населения (поморы в Терском районе Мурманской области, сымские староверы в Енисейском районе Красноярского края и др.) (Клоков, 2004).

С этнохозяйственной и культурологической точки зрения, в России выделяют четыре типа оленеводства: саамский, ненецкий (самодийский) и коми-ижемский, тунгусо-якутский, чукотско-корякский (Клоков, 2004). Эта классификация отражает также историю возникновения, развития и распространения оленеводства в северной Евразии. Указанные типы различаются по следующим признакам:

- способам содержания оленей;
- изготовлению инвентаря (сани и нарты, упряжь и др.);

- хозяйственным постройкам (корали);
- кочевым жилищам (чум, яранга, балок);
- покрою одежды и обуви;
- способам использования животных в транспортных целях (разные типы упряжек, использование оленей под вьюк и седло);
- наличию или отсутствию доения важенок;
- применению оленегонных собак, изгородей, сараев и других приемов выпаса оленей.

Например, к отличительным чертам ненецкого и коми-ижемского оленеводства относятся постоянное круглосуточное окарауливание и руководство движением стада, выпас оленей с помощью оленегонных собак и оленьих упряжек, круглогодичное использование нарт, отсутствие верховых и вьючных оленей. В качестве жилья используется конический чум.

В чукотско-корякском оленеводстве нарты имеют совсем другую конструкцию, чем у ненцев и коми, и используются только зимой. В теплое время года оленеводы передвигаются пешком, оленей не запрягают даже при перекочевке с одного места на другое. Традиционным жилищем служит яранга.

Для тунгусо-якутского оленеводства характерны разнообразные способы использования оленей в транспортных целях (в санях, для верховой езды и как вьючных животных), широкое применение изгородей и различных подкормок, доение важенок.

В оленеводстве саамов сохранилась традиция отпускать оленей летом на вольный или полувольный выпас.

Традиции, сложившиеся в прошлом у различных оленеводческих народов, сохраняют свое значение до настоящего времени. В ходе реформ, в период резкого изменения экономических и социальных условий жизни они оказывают большое влияние на выбор хозяйственной стратегии и путей адаптации к рыночной экономике. Приведем несколько примеров.

У ненцев - наиболее многочисленного коренного народа, занятого разведением крупных стад северного оленя, - сложились с этим животным очень тесные связи. Наличие собственных оленей стало для них основным условием выживания, а размер стада - показателем социального статуса. Увеличение собственного стада оленей - главная забота ненца-оленевода. Реформы последних лет, стимулирующие развитие частного бизнеса, оказались в целом благоприятны и для развития ненецкого оленеводства.

У чукчей, которые также традиционно разводят крупные стада, связи с оленями не так прочны, как у ненцев. Объяснение этому можно найти в истории этого народа, который всегда делился на две части: оленеводов («чавчу») и морских охотников («анкалын»). В различные исторические периоды в зависимости от изменения природных и экономических условий значительная часть чукчей переходила от занятий оленеводством к морской охоте и обратно. За последние годы количество чукчей, занятых в оленеводстве, существенно сократилось, а охотой на морских млекопитающих - увеличилось. Лишившиеся оленей в период непродуманной приватизации чукчи перешли к морзверобойному промыслу, а стада оленей, попавшие в руки непрофессионалов быстро сократились в численности.

Возможность перехода от оленеводства к охотничьему промыслу и рыболовству характерна и для многих других оленеводческих народов. Такой переход происходит и сейчас в районах, где поголовье домашних оленей сокращается.

В разных оленеводческих традициях и в разных природных зонах миграции, кочевки со стадами, различны.

Оленеводы самодийской группы со своими стадами мигрируют на многие сотни километров. Зимой стада выпасаются в лесах, в лесотундре или в кустарниковой тундре, где снег более мягок, и олень добывал себе корм без труда. Нет там и недостатка в топливе, столь необходимом в холодные месяцы. Весной начинается откочевка к северу, во время которой оленеводы доходили порой до берегов Ледовитого океана: постоянно дующие там ветры отгоняли комаров, изнуряющих оленей; там также находятся богатые угодья для рыболовства и охоты.

Хозяйственный год ненца-олeneвода распадается на зимний и летний периоды. При выборе места для зимних стойбищ придавалось большое значение изобилию ягеля и дичи в занимаемой части леса или лесотундры. Зимний чум оставался на одном месте недели две и даже больше. Пастухи ежедневно обходили стадо, проделывая при этом очень большой путь, заметив, что олень вышел из круга, они загоняли его обратно с помощью оленегонных собак. Когда ягель в одном месте оказывался выеденным, стадо перегоняли на другое место, но чум оставался на старом месте и переносился только тогда, когда новое пастбище оказывалось слишком отдаленным. Большим бедствием для оленеводов являются зимой глубокие снега и наст, образующийся при заморозках после оттепели. Олени не имея возможности докопаться до ягеля, погибают массами от бескормицы.

Малооленные хозяйства обычно проводили лето около озер и рек, где занимались рыболовством; оленей своих они на лето отдавали в стада, уходящих на север оленеводов. Кастрировали ездовых оленей осенью, на пути к зимним стойбищам. Поимка их для запряжки или убоя производилась в сооруженном из нарт загоне, наиболее диких животных ловили сплетенным из оленьей кожи арканом.

Оленеводство давало ненцам мясо, сало и кровь для питания; шкуры для пошива одежды, обуви и покрышек зимних чумов. В качестве транспорта ненцы использовали оленей круглый год.

Оленеводство тунгусо-якутского типа характеризовалось рядом особенностей, свойственных оленеводству таежной полосы. Это было в основном оленеводство с вьючно-верховым использованием оленей для транспорта, с доением оленей, с устройством летом дымокуров, с отсутствием, в отличие от самодийских народов, пастушеской оленегонной собаки и другими особенностями.

Основой жизнеобеспечения у этих племен была охота, оленеводство встраивалось в традиционный охотничий календарь. Так, например, после окончания зимнего промысла несколько эвенкийских хозяйств обычно соединялись. Они перекочевывали в удобные для отела места: возвышенные, сухие, богатые оленьим кормом, с рыбными речками и чистой проточной водой. Для стельных важенок огораживал особые участки, чтобы уберечь новорожденных телят от затаптывания в большом табуне. Совместный выпас оленей несколькими хозяйствами продолжался все лето, пока не наступал сезон осенне-зимней охоты и эвенки снова не расходились по тайге. Зимой олени обычно паслись у стойбища.

При езде верхом пользовались палкой, служащей опорой при посадке на оленя и при переездах через бурные потоки, для перевозки груза предназначались вьючные сумы из камуса с берестяной основой или из камуса и ровдуги. Обычный вес вьюка составлял около 20 кг, иногда - до 40 кг.

Долганы географически сейчас занимают промежуточное положение между местами расселения самодийских и тунгусских народов, но в XVIII в. они проживали на правом берегу Лены в контакте с эвенками и эвенками. Оленеводство долган сочетает в себе традиции тунгусского верхового оленеводства с приемами и техникой, заимствованными у оленеводов самодийской группы. Так, долганы используют оленей под седло и вьюк (летом) и, вместе с тем, широко применяют упряжку оленей в нарты (зимой). Типы нарт в основном сходны с ненецкими и нганасанскими, но имеются и нарты тунгусо-якутского типа - с низкими прямо поставленными копыльями. Способ упряжки отличен от ненецкого, передовой олень запрягается и управляется вожжей справа, тогда как у энцев и нганасанов передовой олень запрягается и управляется вожжей слева (в этой связи можно отметить, что эвенки и долганы и при верховой езде садились на оленя справа и управляют вожжей справа же). Еще у долганов сохраняется характерное для эвенков доение оленей; употребляется пастушеская собака, как у ненцев и нганасанов. Седла и способ ездить верхом у долганов - тунгусского типа.

Выше приведенные примеры свидетельствуют о том что, несмотря на большое значение традиций в оленеводстве разных типов, культурные контакты оказывают значительное влияние на его формирование (Клоков. 2004).

Оленеводство, как основная отрасль, традиционного природопользования Арктики и Субарктики в современных условиях незаменима для устойчивого развития традиционного природопользования и культур северных народов России. Это не только вид хозяйственной деятельности, но и часть традиционной культуры коренных северных этносов, уникальный способ их адаптации к экстремальным условиям среды. Оно не может быть заменено другими, иногда более эффективными в экономическом плане отраслями (охотничьим, морским зверобойным промыслом, рыболовством, звероводством и др.) (Клоков. 2000).

Переработка продукции традиционного природопользования

Культуру жизнеобеспечения коренных народов Севера отличает безотходность производства - это важный показатель экологичности образа жизни этих народов. Используя туши домашних животных коренные народы умели найти применение всему, шкурам, костям, копытам, внутренностям.

Старинных приемов домашней обработки и выделки шкур диких и домашних животных дошло до наших дней несколько.

Снятую шкуру оленя или лося очищали от мяса и жира каменным или железным скребком. Если готовилась кожа, шерсть сбрасывали ножом, затем шкуру растягивали на земле при помощи деревянных колышков, вбитых по краям, и по мездре намазывали кашицей из гнилушек лиственницы или ели, разведенных в воде (при выделке оленьих шкур) или в оленьем молоке (для шкуры сохатого или марала). Затем шкуру свертывали и она в течение суток дубилась. Потом ее мяли деревянной палкой, покрытой зарубками, для чего шнуру клали на доску, край которой в момент работы поднимали, упирали в грудь, и обеими руками водили палкой вверх и вниз. Этой трудоемкой и тяжелой работой занимались обычно женщины, затрачивая 2-3 дня на обработку одной шкуры, а потом ее дымили над очагом в юрте. Так обрабатывали шкуру для зимней крыши юрты и для шитья одежды.

Оленеводы выделяли ровдугу (замшу) высокого качества. Дубильным веществом для обработки шкур служили прожеванная вареная печень оленя, налимья печень, оленье мозги; обработкой шкур занимались также исключительно женщины.

Выделанные шкуры шли на обустройство жилищ, изготовление одежды, обуви, сумок, седел, ремней для упряжек и т.д.

Специально обработанные жилы оленей шли на сшивание покрышек жилища, постелей, одежды, обуви. Покрышки для чумов выкраивались из 12-18 шкур, сшивавшихся жильными нитками.

Из оленьих щеток (куски с жесткой шерстью из-под копыт оленя) делали подошвы обуви, которая была устойчивой при гололеде.

Из оленьих рогов делали всевозможные костяные поделки: крючки для рыбной ловли, детали упряжки, рукоятки ножей и ножны, крючки и вешалки для подвешивания предметов в жилище.

В безлесной тундре кости животных при массовом убое шли на отопление жилищ.

Для оленеводов Западной и Восточной Арктики основой питания было мясо оленя. В пищу употребляли все - почки, печень, костный мозг, глаза, уши, тубы, а иногда и другие части туши, которые ели сырыми. Свежую кровь пили сразу после забоя, а остаток ее собирали и на ней замешивали мучные лепешки, прибавляли в мясной отвар.

Остальное мясо варили или заготавливали впрок. Мясо оленей вялили длинными кусками на нартах, поставленных друг на друга, затем его резали на мелкие кусочки, смешивали с жиром. Потом еще раз вялили на разостланных шкурах. Сосудами для хранения жира служили: снятая целиком шкура теленка, пищевод и желудок оленя, плавательный пузырь и кожа рыбы или надутая кожа с гусиных лап. Мясо, жир осенью оставляли иногда в тундре в ящиках изо льда, чтобы воспользоваться этими запасами весной, после возвращения из леса.

Иногда мясо слегка подкапчивают. Сало оленя коптят, оно считается лакомством. Зимой мясо оленей едят в сыром виде, замороженным, нарезаая ножом тонкие стружки.

Сало оленя шло также на освещение чума. Освещался чум жировыми светильниками, свечами из оленьего жира, замороженного в формах из оленьего пищевода.

В пищу всегда употреблялись молодые мягкие оленье рога.

Оленные чукчи и коряки потребляли не только мясо, жир, мозг, кровь, но также кишки и содержимое оленьего желудка (рилькэиль), ели даже мясо павших оленей. Рилькэиль представляет собой массу мелких растительных волокон, напоминающих зеленоватую кашу. Его отжимали прибавляли к нему кровь, жир, нарезанные кусочками тонкие кишки оленя и варили. Рилькэиль заготавливали впрок при массовом убое оленей. Это был обычный завтрак оленных чукчей.

Эскимосы квасили мясо морских животных в специальных ямах.

Ягоды и дикорастущие растения употребляли преимущественно в сыром виде. Из способов заготовки впрок были известны замачивание и высушивание. У народов Арктики и Субарктики между оседлым и кочевым населением издавна происходил деятельный обмен. Оседлые снабжали кочевых нерпичьей и моржовой шкурой, которая шла на оленье арканы, подошвы и другие нужды; оленеводы давали в обмен оседлым оленье мясо и шкуры, необходимые для изготовления одежды.

В настоящее время домашняя обработка продукции оленеводства продолжает оставаться важнейшим занятием коренных народов. Оленеводы во время кочевков предпочитают носить, проверенную морозами национальную одежду. Для изготовления сувенирной продукции они объединяются в артели, общины. Широким спросом в сувенирных магазинах пользуются красивые торбаса, меховые шапки, рукавицы, сувениры из рога оленя, коврики, сумки из меха оленя, нерпы.

Собаководство

Собака - одно из древнейших животных, прирученных человеком.

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока издавна приручили собак и вывели несколько пород арктических и северных охотничьих, ездовых, оленегонных шпицев и лаек.

Все арктические и северные породы собак содержатся коренными народами на улице и воспитываются разными способами. На Севере их кормят преимущественно рыбой.

Оленегонные собаки используются в самодийском типе оленеводства. Они приучены окаруливать стадо, загонять в него отбившихся оленей, оповещать человека о появлении хищников.

Охотничьи собаки используются практически всеми коренными малочисленными народами Арктики и Субарктики. Наиболее популярной является западно-сибирская лайка.

Ездовые собаки отличаются наиболее суровым воспитанием, отбором, приведшим к формированию выносливых, широкогрудых собак, неприхотливых в пище и к условиям содержания.

Многие оленеводческие народы также использовали собачьи упряжки, так как они обладают более высокой проходимостью. Путешествуя по ледяным торосам или по горам оленеводы с оленьей упряжки пересаживались на собачью.

Ханты в качестве транспорта также использовали собак, однако ездовое собаководство среди обских угров было очень примитивно. На собаках отправлялись на промысел, подвозили к жилью воду, дрова. Собак запрягали одну или несколько веером или цугом. Иногда охотник на лыжах сам впрягался и помогал собакам тянуть ручную карту. Собачья нарта отличается по типу от оленьей. Она ниже, легче, а копылья ее подвижно укреплены ремнями.

Летом впрягали одну или двух ездовых собак в лодку, и они тянули ее вдоль берега. У кетов зимой на охоте одиночные собаки тащили небольшие нарты, следуя за человеком.

В середине XVIII в. эвены запрягали в нарту по 5-7 собак «змейкой», то есть не попарно, а поочередно, привязывая собак с одной и другой стороны от потяга. Этот древний способ собачьей упряжки существовал еще в конце XIX в. В XIX-XX вв. упряжное собаководство эвенов относилось уже к так называемому восточносибирскому типу.

Развитие извозного промысла в XIX в. вызвало переход на новый тип нарты. Увеличение устойчивости и размера нарты позволило перевозить до 200 кг груза. Впрягали обычно 9-11 собак. Самая обученная и ценная собака - передовик. К ней были обращены обычно окрики управления возницы - каюра. Останавливали собак окриком и тормозной палкой.

Извоз на собачьих упряжках был распространен на Севере еще в середине XX в. Каюры на собачьих упряжках развозили почту, привозили в поселки врачей. На них путешествовали районные начальники и геологи.

Кормили ездовых собак, преимущественно, рыбой, вяленой, сушеной и кислой. Для этого во время рунного хода рыбы ее заготавливали в специальных ямах, вырытых вдоль реки, по маршрутам охотников и каюров. Ямы обкладывались травой, сверху накрывались травой, ветками и засыпались землей.

Затем, в 1960-1970 гг., с распространением воздушных перевозок, власти приступили к уничтожению ездовых собак. Предлогом было то, что собаки съедают большое количество ценной рыбы.

В настоящее время охотничье и оленегонное собаководство продолжает развиваться.

Возрождается и транспортное собаководство. Для этого существуют две причины. Во-первых, в отдаленных поселках сломались почти все, завезенные сюда в 70-80-е гг. снегоходы «Буран», запасных частей и бензина к ним нет. Приходится чинить старые и делать новые нарты и обучать собак.

Во-вторых, гонки на собачьих упряжках стали популярным международным видом спорта.

К сожалению, у арктического и северного, особенно транспортного собаководства существуют проблемы. Во-первых, породы испорчены привозными видами собак, которых бросало на Севере приезжее временное население (геологи, нефтяники и т.д.). Нужна селекционная работа. Во-вторых, власти отказываются выделять коренным малочисленным народам рыбные квоты на питание ездовых собак.

Заготовка и использование древесины и других лесных ресурсов

Заготовкой древесины занимались коренные малочисленные народы, проживавшие в лесной и таежной зоне. Древесина являлась предметом обмена с народами, проживавшими в тундре, на морском побережье.

Жители морского побережья делали свои жилища и лодки из деревьев, произраставших за сотни километров вверх по течению рек. Тоже относилось и к древесине, которая использовалась для хозяйственных построек, изготовления нарт.

Племена, живущие в лесной зоне, сплавливали лес для племен, проживающих в безлесной местности еще в древности.

Из дерева строились жилища как оседлых, так и кочевых народов. Например, чум ненца-оленевода требовал для сооружения от 40 до 50 длинных жердей, которые невозможно было добыть в тундре. Поэтому олениводы ценили добытое с трудом дерево и возили с собой каркас чума во время кочевков.

Из второстепенных лесных ресурсов широкое распространение у коренных малочисленных народов имела заготовка прутьев, лозы, корней, лиственничной коры, бересты.

Из прутьев и лозы изготавливались детали жилищ, корзины, плетеные лыжи-ракетки и другие изделия.

Корни и лоза использовались для сшивания досок при изготовлении лодок.

Береста широко применялась для изготовления домашней утвари, из нее делали туески, коробки для хранения пищевых припасов, чумашки, заменявшие чашки, ложки.

Обработка камня

Использование камня для изготовления необходимых орудий и утвари было известно коренным малочисленным народам Арктики и Субарктики с древнейших времен.

Племена, жившие на этих территориях в эпохи палеолита и неолита использовали различные породы камня для изготовления орудий.

Причем, каменные орудия были найдены за сотни километров от месторождений кремня, из которого они были изготовлены.

Русские, пришедшие в Сибирь, застали у аборигенных народов использование кремневых, обсидиановых, хрустальных наконечников стрел, копий, ножей, скребел и других орудий.

Кроме того, из камня делались жирники, светильники, в которых использовали жир животных и рыб для освещения. Из камня изготавливались ступы и песты для толчения пищевых продуктов.

Камень использовался при устройстве очага внутри жилища.

Камни использовались в качестве грузил для сетей, при этом грузила иногда сверлили, выбивали на них личные метки.

Позже, с появлением привозного металла, из камня делались формы для отливки металлических изделий.

Некоторые каменные орудия и предметы обихода сохранились до наших дней.

Так многие народы продолжают использовать в качестве скребка при обработке шкур каменное лезвие, считая его более деликатным, чем железное.

В хозяйстве продолжают использовать каменные ступки и песты.

В настоящее время из мягких пород камня изготавливают сувенирные поделки.

Резюме

Исторический обзор основных видов традиционного природопользования коренных народов и промыслов демонстрирует, во-первых, комплексность и адаптивность, как основные черты традиционного природопользования, во-вторых, сохранение до наших дней традиционных знаний, которые способны, несмотря на нынешнее состояние традиционных отраслей, дать возможность возродиться традиционному природопользованию и приспособиться к новым климатическим условиям.

Традиционное природопользование является условием этнического и культурного разнообразия населения, живущего в Арктике. Унификация образа жизни человека в Арктике, снижение этнического и культурного разнообразия чревато потерей потенциала адаптивности человеческого сообщества.

Кроме того, традиционное природопользование отражает экологическую культуру коренных народов, основанную на традиционных знаниях и целостном восприятии окружающего мира и жизни человека. Устойчивое развитие Арктики невозможно без сохранения природных условий для развития традиционного природопользования коренных народов, так как эти условия являются индикаторами экологического благополучия Арктической зоны.

5.6. Оценка воздействия негативных антропогенных и природных факторов на традиционное природопользование КМНС

В настоящий период практически при занятии всеми видами традиционного природопользования коренные малочисленные народы испытывают трудности при получении прав на доступ к природным ресурсам, а также от сокращения объемов и загрязнения природных ресурсов, необходимых для осуществления традиционного природопользования. Эти трудности можно подразделить на юридические и экологические, причем и те и другие вызваны антропогенным воздействием.

Условия доступа и защиты природных ресурсов для традиционного природопользования продекларированы, но не обеспечены в российском законодательстве механизмами реализации. Конституция Российской Федерации гарантирует защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни, а Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» продекларировал право этих народов «безвозмездно пользоваться в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов землями различных категорий, необходимыми для осуществления их традиционного хозяйствования и занятия традиционными промыслами, и общераспространенными полезными ископаемыми в порядке, установленном федеральным законодательством и законодательством субъектов Российской Федерации».

Продекларированные права на защиту исконной среды обитания, традиционный образ жизни, безвозмездное пользование землями и приоритетное право пользования объектами животного мира, которые создавали к 2001 г. основу для развития традиционного природопользования, разрушены развитием отраслевого природоресурсного законодательства за последнее десятилетие.

Отдельные федеральные законы и подзаконные нормативные акты вступают в противоречие с основными законами, предусматривающими особые условия природопользования коренных малочисленных народов. В соответствии с отраслевыми законами, оленеводы могут получить право на пользование пастбищами только на правах аренды (Федеральный закон "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения"), доступ к объектам животного мира для осуществления охоты и рыболовства - только на основе конкурсов и аукционов (Федеральный закон "О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов", «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов»). Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», принятый в 2001 г., не реализуется. Существующая низкая доходность традиционных видов природопользования не позволяет арендовать обширные пастбища оленеводам и получать охотничьи и рыболовные участки на конкурсах и аукционах.

Несовершенство законодательства, регулирующего доступ коренных народов к необходимым для традиционного природопользования землям и возобновляемым природным ресурсам не обеспечивает возможность устойчивого развития традиционного природопользования.

Накопленные за предыдущий период промышленного освоения, негативные последствия, приведшие к деградации и загрязнению около 40% территорий традиционного природопользования в Арктике, также значительно сократили возможности его развития. Очевидная перспектива расширения промышленного освоения ресурсов недр Арктики и Субарктики требует, в первую очередь, создания правовых основ для обеспечения условий сохранения традиционного природопользования и жизнеобеспечения коренных народов.

Лучшей моделью для сохранения традиционного природопользования и жизнеобеспечения коренных народов продолжает оставаться создание территорий традиционного природопользования (ТТП). Создание ТТП как особо охраняемой природной территории со специфическими целями и задачами должно способствовать решению двойной проблемы - сохранение природного разнообразия, создание условий для жизнеобеспечения малочисленных народов, развития соуправления с участием коренных народов в использовании природных ресурсов ТТП.

К сожалению в настоящее время освоение природных ресурсов Арктики и процесс лицензирования участков для промышленного освоения совершенно не учитывают реалий существующего традиционного природопользования.

Необходимо повысить эффективность правового регулирования по обеспечению доступа коренных народов к природным ресурсам и ответственности промышленных компаний за негативное воздействие на исконную среду обитания и традиционный образ жизни коренных малочисленных народов. Важной проблемой развития традиционного природопользования являются меры по поддержке здоровья северян, обеспечения их образования и занятости.

Последствия климатических изменений, как уже говорилось, также могут оказать самое пагубное воздействие на состояние традиционного природопользования и само этническое существование коренных народов Арктики, если не будет принята соответствующая угрозам программа предупредительных мер и не изменена система взаимоотношений между основными участниками, осуществляющими природопользование в Арктике: государством, бизнесом и коренными народами.

Для преодоления указанных угроз может быть рассмотрен вопрос об адаптации зарубежной практики, в основу которой положен принцип совместного управления природными ресурсами. Основная идея совместного управления заключается в интеграции двух подходов к управлению ресурсами, базирующихся на государственном управлении и научном знании, и традиционного, основанного на целостном восприятии окружающей среды, преемственности традиционных знаний, ответственности за результаты и последствия своей деятельности.

В Российской Федерации имеется опыт учета интересов коренных малочисленных народов при освоении природных ресурсов в районах их традиционного проживания. Это показано на примере Демонстрационного проекта «Экологический соменеджмент ресурсодобывающих компаний, органов власти и коренных малочисленных народов Севера», реализованного в рамках Проекта ЮНЕП/ГЭФ «Российская Федерация – Поддержка Национального плана действий по защите арктической морской среды». Российское законодательство уже сейчас дает возможность создавать общественные структуры «Этноэкологические советы», где органы власти, коренные народы, коммерческие компании могут совместно обсуждать, разрабатывать и принимать решения по использованию природных ресурсов, учитывая интересы всех сторон (Демонстрационный проект..., 2009). В соответствии с российским законодательством в рамках Демонстрационного проекта было разработано типовое положение об этноэкологических советах. Такие советы уже созданы в двух модельных регионах: Ямальском районе ЯНАО и Анабарском улусе РС(Я). Подобные структуры могут стать первой ступенью к развитию соуправления природными ресурсами в Арктике с соблюдением интересов всех природопользователей.

5.7. Проблемы сохранения объектов историко-культурного наследия коренных народов

С первых веков знакомства православных миссионеров и колонистов Российской империи с коренными народами Севера отношения к объектам историко-культурного наследия этих народов приобрели сложный характер.

Разрушение «капищ языческих идолов» и обращение этих народов в православную веру стало одной из составных частей колониальной политики Российской империи в отношении народов Севера и Сибири. Православная церковь являлась также проводником русификации - обучение детей инородцев производилось в церковно-приходских школах, потому борьба с языческими верованиями велась и в сфере образования

Но одновременно, уже с начала XVII в., в России принимались законодательные акты, предписывающие «шайтанов не грабить, а могил у мертвых остяков не раскапывать» (например, Указ царя Василя Шуйского 1610 г. и др.).

В советский период господства официального атеизма проблема защиты и охраны объектов историко-культурного наследия коренных народов, которые сосредотачивались в священных местах, связанных с родовыми и шаманскими культурами, замалчивалась. Законодательство охраняло только «памятники истории, культуры и архитектуры». Но для того чтобы попасть под защиту закона памятник должен быть описан, картирован и зарегистрирован в специальном кадастре. Лишь единичные памятники природы или археологии, совпадавшие с местом расположения священных мест, оказались, таким образом, под охраной.

В период перестройки о проблеме защиты и охраны объектов историко-культурного наследия и священных мест коренных народов заговорили вновь в связи с возрождением интереса к их традиционным религиозным верованиям. В северных регионах предпринимались и предпринимаются попытки создать специальное законодательство. Но ни один из существующих законопроектов на эту тему пока не принят. В новый федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» священные места коренных малочисленных народов Севера в качестве отдельной категории памятников, подлежащих охране, так и не были включены.

В то же время, хотя понятие «священные места» коренных народов в этом законодательстве отсутствует, для определения статуса объектов историко-культурного наследия и священных мест можно использовать понятия «природные и историко-культурные комплексы и объекты», «достопримечательные места», к которым относятся «места совершения религиозных обрядов» и др. Эти объекты могут вноситься в государственные реестры, охраняться государственными органами власти, для чего вокруг таких объектов создаются охранные зоны.

Но эти же нормы могут быть использованы и для фактического отчуждения объектов историко-культурного наследия, являющихся священными местами, от коренных народов, связывающих их почитание и использование с определенными церемониями. Например, если священное место оказалось на территории заповедника, то проникновение к нему и тем более разведение церемониального костра становится невозможным или затруднительным.

При этом условия, обеспечивающие необходимый уровень защиты объектов историко-культурного наследия, священных мест и связанной с ними традиционной практики коренных народов, определены в федеральном законе «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

Опыт документирования священных мест коренными народами в Российской Арктике

Точка зрения самих коренных народов на проблему охраны историко-культурных объектов и священных мест нашла яркое выражение в ходе реализации проекта «Значение охраны священных мест коренных народов Арктики: исследование на Севере России», осуществленного Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Результаты проекта опубликованы в книге «Значение охраны священных мест Арктики: исследование коренных народов Севера России». Проект выполнялся при поддержке Программы сохранения арктической флоры и фауны (CAFF) и Секретариата коренных народов (IPS) в 2001-2002 гг. на двух модельных территориях, в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) и в Корякском автономном округе (КАО), представителями самих коренных народов. Проект осуществлялся в русле международных программ по сохранению биологического разнообразия в Арктике, поэтому организаторы проекта акцентировали внимание на значении священных мест коренных народов в контексте проблемы охраны окружающей среды. Более половины средств проекта было использовано для организации работы коренных народов в избранных регионах Севера России.

В Тазовском районе ЯНАО, на территории проживания и сезонных кочевий ненцев, было проведено 66 интервью с оленеводами, рыбаками и старейшинами, описано и нанесено на карту 263 священных места. В Олюторском районе КАО опрошено 30 старейших представителей коренных народов (коряки, чукчи, эвены) и отмечено на карте 84 священных места. Были сделаны аудиозаписи, фотографии, проведена видеосъемка, в результате в рамках проекта собрана разнообразная информация по священным местам, часть которых исследователям удалось посетить и описать. Ни одно из описанных священных мест не имеет какого-либо статуса охраны в настоящее время.

Ценность этих материалов состоит в том, что все они результат непосредственной коллективной работы более ста представителей самих коренных народов, исследователей, знатоков священных мест и обычных оленеводов и рыбаков. В книге опубликован вопросник, по которому проводились опросы, и списки опрошенных людей с указанием их места рождения и профессии.

В книге опубликованы также прямые высказывания респондентов, отвечавших в ходе индивидуальных интервью своим же, обученным для проведения интервью, соплеменникам на стандартные вопросы анкеты о значении священных мест, их свойствах, угрозах их разрушения, что способствовало получению наиболее открытой и адекватной информации.

При анализе ответов выяснилось, что отношение к священным местам различно у разных социальных и географических групп представителей коренных народов. Так, например, оленеводы, представители старшего поколения не склонны к оценке и анализу значения священных мест. Они воспринимают их как данность, не подлежащую обсуждению. В вопросах охраны священных мест они более надеются на самих себя и силу своих духов. В тоже время они обнаруживают большую толерантность в отношении поведения людей других национальностей. Представители коренных народов, относящиеся к местной интеллигенции и администрации склонны к более абстрактным и оценочным суждениям, ответственность за состояние священных мест они возлагают на законодательство и власть. Различаются мнения жителей и по

степени промышленного освоения их родных мест. Люди, столкнувшиеся с последствиями промышленного освоения, настроены более озабоченно и решительно.

Приведем примеры некоторых ответов на вопросы: «Что такое «священные места»? и «Каковы угрозы для существования священных мест?».

В Олюторском районе Корякии, где подавляющая часть коренного населения утратила за советский период кочевой образ жизни, большинство респондентов рассуждает о священных местах несколько отрешенно, как о наследии прошлого: *«Испокон веков священными местами были камни или определенные места. Там делают обязательные жертвоприношения, иначе может не быть рыбы, дичи»* (Косыгин Егор, п.Тиличики, охотник); *«Для нас - коряков, чукчей, эвенов - священны все места, так как наши предки, да и наше поколение, вели кочевой образ жизни. И, по пути, следования встречались стойбища, места захоронений, места гибели людей. Все эти места священны. Раньше мы приносили жертвы всему: воздуху, земле, воде, костру. Как бы ублажали их, чтобы в семье все было благополучно, чтобы падеж оленей был меньше. Священные места для нас - вся Природа, тундра, так как она нас поит, кормит и т.д.»* (Делькини Анатолий, п. Хаилино, оленевод); *«Священные места - это места, которым испокон веков поклонялись наши народы: чукчи, коряки, эвены. На священных местах нельзя говорить плохие слова. Нельзя, чтобы это место кто-нибудь «сглазил»... Вообще у нымыланов (коряков) не принято говорить о священных местах чужим. Не принято говорить, потому что это наши земли, а рассказы их оскверняют»* (Филиппова Людмила, п.Тиличики, директор краеведческого музея).

В ЯНАО респонденты из Тазовского района при ответе на те же вопросы продемонстрировали наряду с широким распространением традиционных знаний о священных местах (66 респондентов указали 263 священных места), сохранность очень архаических представлений (например, деление священных мест на женские и мужские, общие и родовые, запрет посещения для женщин мужских священных мест) и обнаружили живую эмоциональную связь со священными местами в настоящее время.

Обширные знания и живую связь со священными местами ненцев-олeneводоов можно продемонстрировать на примере таких высказываний: *«Священное место - это место, куда ходят поклоняться мужчины. Там живет бог. Священных мест много в тундре, всех не запомнишь. Это у мужчин надо спрашивать»* (Лапсуй В.Х., Антипаюта, чумработница); *«Это места, где оленеводы, рыбаки проводят обряд очищения, жертвоприношения и др. Находятся они по всей тундре, например, по правой и левой стороне р. Юрибей до 100 и более священных мест»* (Тазовский р-н, рыбак); *«Это место приношения жертвы Нуму, духам местностей, рекам озерам. На полуострове Ямал есть большое священное место - Ямал хэхэ, у нас на Гыданском полуострове - Нэя седа, Пурисен то хэхэ'я, Тадибя хэхэ'я, Нямбой то хэхэ»* (Вануйто, Антипаюта, домашняя хозяйка); *«Это место для родовых поклонений духам небес. Находятся по всей тундре. Это место выбирает шаман или старейший из рода»* (Лапсуй И.А., Антипаюта, оленевод-частник); *«Это место, где всю жизнь мои предки поклонялись своим богам. В Тазовском районе раньше было много священных мест. С начала прихода геологов на Север их становится все меньше. Сейчас они еще есть, но люди боятся о них говорить.»* (Салиндер Н.О., 5-6 Пески, пенсионер); *«Я не знаю, что такое охрана священных мест, от кого их надо охранять, их должны охранять духи этой местности»* (Мандаков Г.Е., Тазовский, пенсионер); *«У нас в 30-е гг. геологи разрушили одно священное место, сейчас на этом месте стоит железный столб. Так вот до сих пор ходит легенда, что люди часто чувствуют присутствие хозяев священного места, в образе старика и старухи. Вот*

Священные места как часть мировоззрения коренных народов

Смысл приведенных здесь и других многочисленных высказываний респондентов, принявших участие в интервью, выходит далеко за рамки первоначальных целей проекта - значение священных мест в контексте их роли в сохранении биологического разнообразия. При этом следует отметить, что при описании священных мест было выявлено, что сохранившиеся священные места, действительно, расположены на участках красивого, нетронутого ландшафта, обладающего высокой степенью сохранения биоразнообразия, часто являющихся местами воспроизводства объектов животного и растительного мира. Это подтвердило тезис о том, что многие священные места и другие места культурного значения могут выполнять важные функции по сохранению биологического разнообразия и по поддержанию самими коренными народами природных ресурсов, от которых зависит благосостояние коренных народов, в нетронутом состоянии.

Значение высказываний представителей коренных народов охватывает широкий спектр взаимоотношений человек-природа. Эти высказывания свидетельствуют, что представления о священных местах и связанные с ними ритуалы и обряды отражают реальные переживания говорящих, связанные с духовным и материальным единством человека с окружающей средой. Описание красоты священного места, его воздуха, ощущений, связанных с совершаемыми действиями, является примером эмоционально-образного целостного восприятия единства человека и окружающего его мира. Ритуалы, совершаемые на священных местах, воспринимаются говорящими как действия, способствующие постоянной личной актуализации этого единства. Поэтому разрушение священного места или неисполнение ритуала, по мнению респондентов, ведет к опасному для человека разрушению этих связей.

Конфиденциальность и табуированность - основные правила поведения, связанного со священными местами - это еще одно свидетельство существования священных мест как мест личностного общения человека с окружающим миром. Потому так часто рассуждения респондентов на темы священных мест (при ответах на вопросы об их свойствах и значении) превращается в описание собственного ощущения или опыта.

Но конфиденциальность и табуированность священных мест одновременно служит и препятствием к их документированию и учету. Любопытен и печален тот факт, что часть современных респондентов готова отказаться от этих принципов под давлением действительности. Примечательно и то, что у ненцев, где пока лучше сохранился традиционный уклад жизни, сохранились стада, противников картирования священных мест все же больше, чем в Олюторском районе Корякии, хотя давление промышленного освоения на их территории сильнее.

При анализе этих высказываний становится совершенно очевидно, что рассматривать священные места лишь как культурное наследие, это значит сужать их значение. Культ священных мест - это живая ткань взаимодействия культуры человека и природы. Когда «хозяева места» вздыхают, сидя на крыше дома респондента, от того, что священное место разрушено, это означает, что почитание священных мест для этих людей - неотъемлемая часть их духовной и эмоциональной жизни, воплощенная в реальных природных объектах и ритуалах.

С этой точки зрения, священные места - это не объекты природного или историко-культурного, или археологического наследия - это часть мировоззрения коренных

народов, которая является условием сохранения и устойчивого развития традиционного образа жизни и природопользования.

Движение коренных народов Арктики за сохранение историко-культурных объектов и священных мест

Возможности, имеющиеся в российском законодательстве, опыт зарубежных стран и результаты проекта «Значение и охрана священных мест Арктики: исследование коренных народов Российского Севера», а вслед за ним и другие подобные проекты коренных народов (например, в НАО, на Камчатке, см. Мурашко. 2007) демонстрируют, что сами представители коренных народов России могут эффективно собрать, обработать информацию о священных местах, и документально представить ее. Среди представителей коренных народов в России высок удельный вес людей с высшим гуманитарным образованием, имеющих возможность выполнить подобную задачу. Это способствует развитию местных инициатив по описанию и документации объектов историко-культурного наследия и священных мест, по разработке собственной стратегии их охраны и использования в рамках процесса образования территорий традиционного природопользования. В ЯНАО и ХМАО программы документации и сохранения историко-культурных объектов и священных мест приняты на окружном уровне, проводятся семинары, посвященные этой теме. Инициативные группы при краеведческих музеях в Дудинке, Якутске собирают информацию о историко-культурных памятниках и священных местах в своих регионах. В НАО общественная организация ненецкого народа «Ясавэй» в 2007 – 2008 гг осуществила программу картирования объектов культурного наследия и священных мест по маршрутам нескольких оленеводческих бригад.

Как показал опыт Демонстрационного проекта «Экологический соменеджмент ресурсодобывающих компаний, органов власти и коренных малочисленных народов Севера», программы по описанию и документации объектов историко-культурного наследия и священных мест могут быть включены в повестку работы общественных этноэкологических советов, осуществляющих взаимодействие между коренными народами, органами власти и добывающими компаниями в арктических регионах.

Заключение

В Главе 5 «Состояние исконной среды обитания коренного населения АЗРФ» представлены данные о древности и стабильности освоения человеком АЗРФ. Дана общая характеристика и современная численность населения АЗРФ, где живет и работает всего около 1 млн. человек, в том числе более 150 тыс. представителей 17 коренных малочисленных народов, 75% которых ведут традиционный образ жизни; приводится этнический состав коренного населения и численность каждого из КМНС. Даны основные демографические характеристики, на основании которых современное демографическое состояние коренных народов Севера определяется как кризисное. В то же время показано, что демографические показатели у КМНС чутко реагируют на улучшение социально-бытовых условий, о чем свидетельствует рост численности КМНС в отдельных арктических субъектах Российской Федерации.

К числу **природных факторов, влияющих на состояние исконной среды обитания коренного населения АЗРФ**, отнесены процессы, связанные с изменением климата. Предполагаемые изменения могут привести к сокращению возможностей всего спектра традиционных видов деятельности КМНС. Наиболее пострадает ведущая отрасль - крупнотабунное тундровое оленеводство. Среди **антропогенных факторов** указано стрессовое воздействие промышленных объектов на олени пастбища и

охотничьи угодья, охватывающее до 40% площади традиционного природопользования, представлены основные районы антропогенного воздействия на территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера: Кольский, Тимано-Печорский, Новоземельский, Воркутинский, Пер-Надымский, Ямальский, Средне-Обский, Норильский, Анабарский, Яно-Индибирский, Валькумейский, Билибинский. Показано воздействие на коренные народы ухудшения состояния окружающей среды вследствие промышленного освоения, а также последствий некоторых непродуманных административных решений прошлых времен: перевод на оседлость, изменение структуры питания.

В разделе **«Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера»** представлена общая характеристика, типология и описание всех традиционных видов хозяйственной деятельности КМНС в АЗРФ. Показаны комплексность и адаптивность, как основные черты традиционного природопользования, сохранение до наших дней традиционных знаний, необходимых для его возрождения.

В разделе **«Оценка воздействия негативных антропогенных и природных факторов на традиционное природопользование КМНС»** показаны трудности в осуществлении традиционного природопользования вследствие деградации и загрязнения природных ресурсов, а также при получении прав на доступ к ресурсам, необходимым для осуществления традиционного природопользования.

В разделе **«Проблемы сохранения объектов историко-культурного наследия коренных народов»** показаны все юридические и практические сложности решения этой проблемы, в том числе слабая изученность указанных объектов. В то же время, на примере опыта изучения этих объектов в некоторых регионах, продемонстрированы традиционные представления коренных народов и их желание и способность самостоятельно сохранять объекты историко-культурного наследия.

Рассмотренные в главе 5 характеристики и проблемы состояния исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Арктики являются общими для АЗРФ на данном этапе ее расширяющегося промышленного освоения. Современные угрозы традиционному природопользованию и образу жизни могут повлечь за собой этническую и культурную дезадаптацию более двух третей от численности КМНС, проживающих в Арктике и приверженных к традиционному образу жизни. В то же время адаптивные возможности традиционного природопользования в исторической перспективе, в сочетании с накопленными эмпирическими традиционными знаниями, могут способствовать, при надлежащем решении перечисленных проблем, самообеспечению КМНС и сохранению окружающей среды Арктики. Поэтому сохранение возможности развития традиционного природопользования являются важнейшими условием, которое должно учитываться при разработке программ устойчивого развития АЗРФ.

Литература

Бабаков В.Г. Кризисные этносы. М. 1993. 183 с. ИФРАН.

Богораз В.Г. Чукчи. М.-Л. 1933.

Богораз В.Г. Оленеводство. Возникновение, развитие и перспективы. В кн. Проблемы происхождения домашних животных. М.-Л. 1933.

- Богоявленский Д.Д. Демографические проблемы малочисленных народов Севера // Население России. Второй ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А.Г. Вишневецкий. М., «Евразия». 1994. С. 146.
- Богоявленский Д.Д., Мурашко О.А. Коренные народы Севера: итоги Переписи 2002 г. и политическая ситуация. Интерпретация итогов Переписи 2002 г. МКН. №16. 2004.
- Богоявленский Д.Д. Народы Севера России: демографический профиль на рубеже веков. 2008. // Влияние глобальных климатических изменений на здоровье населения российской Арктики. 2008. <http://www.unrussia.ru/doc/Arctic-ru.pdf>
- Вайнштейн С.И. Проблемы происхождения оленеводства в Евразии. СЭ. 1970, № 6; 1971, №5.
- Василевич Г.М. Эвенки. М. 1970.
- Вильчек Г.Е., Серебряный Л.Р., Тишков А.А. Устойчивое развитие российской Арктики: что может география? // «Известия РАН. Серия географическая». 1997. № 1. С. 40.
- Гребенец В. Опасное умирание вечной мерзлоты. «Заполярная Правда», №152 от 07.10.2006.
- Демонстрационный проект «Экологический соменеджмент ресурсодобывающих компаний, органов власти и коренных малочисленных народов Севера» М. 2009. Публикация отчета под ред. Мурашко О.А.
- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири. Тр. Института этнографии АН СССР, т.LV, 1960
- Зенько М.А. Современный Ямал: этноэкологические и этносоциальные проблемы./ Исследования по прикладной и неотложной этнологии №139, Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2001.
- Зуев В.Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов. Тр. Института этнографии АН СССР, т.V, 1947.
- «Значение и охрана священных мест Арктики: исследование коренных народов Российского Севера». М. 2004. Издание Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.
- Из Указа царя Василия Шуйского от 25 марта 1610 г./ «Русская историческая библиотека». 1876. С. 216.
- Иохельсон В.И. Коряки. Л. 1999.
- Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.-Л. 1949.
- Крейнович Е.А. Собаководство у гиляков и его отражение в религиозной идеологии. Этнография, 4. 1930.
- Клоков К. Б., Хрущев С.А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России. СПб 2004.
- Клоков К.Б. Семейные основы оленеводческо-промыслового хозяйства. Арктический Совет 2002-2004.
- Клоков К.Б., Красовская Т.М., Ямсков Т.М. Проблемы перехода к устойчивому развитию районов расселения коренных народов Российской Арктики. Серия "Исследования по прикладной и неотложной этнологии" Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 141.
- Крупник И.И. Арктическая этноэкология М. Наука. 1988. С. 159-160.
- Левин М.Г. О происхождении и типах упряжного собаководства. Сов.Этнография, 4, 1946.
- Материалы к Парламентским слушаниям в Совете Федерации по вопросу «Правовое обеспечение этнологической экспертизы как обязательное условие при освоении северных территорий». 25 октября 2007 г.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. . I-II. М.-Л. 1941.

- Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск. Наука. 1977.
- Мурашко О.А. Значение традиционных знаний для устойчивого развития коренных народов: пособие по сбору, документированию и использованию традиционных знаний для организаций коренных народов. М. 2007.
- Народы Сибири. Этнографические очерки. М.-Л. 1956.
- Неотрадиционализм на Российском Севере. Под ред. А. Пика и Б. Прохорова. М. 1994, стр. 26-32.
- Очерки истории традиционного землепользования хантов. Сб. статей. Екатеринбург, 2002.
- Панин Л.Е. Норма потребности человека в пищевых веществах и энергии для районов Сибири и Азиатского Севера./Л.Е.Панин, П.Д.Березовиков, Т.И.Андропова //Питание - основа первичной профилактики заболеваний на Севере. Новосибирск, 1987. С.29-42.
- Попов А.А. Охота и рыболовство у долган. Сборник памяти В.Г. Богораза. М.-Л. 1937.
- Попов А.А. Нганасаны. Материальная культура. М.Л. 1948.
- Ревич Б.А. Влияние глобальных климатических изменений на здоровье населения российской Арктики. 2008. <http://www.unrussia.ru/doc/Arctic-ru.pdf> Руководитель авторского коллектива Ревич Б.А.
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: Стат. Сб./Росстат. М. 2007 г.
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: Стат. Сб./ Росстат. -М. 2008 г.
- Сарычев Г.А. Путешествие флота-капитана Сарычева по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М. 1952.
- Сергеев М.А.. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.-Л. 1955.
- Сергеев М.А. Народное хозяйство Камчатского края. М-Л. 1936.
- Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край. Т II. Статистические таблицы. СПб 1901.
- Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии: Этнографическая реконструкция. М. 1976.
- Симченко Ю.Б. Нганасаны: Система жизнеобеспечения. МС «Народы и культуры». Вып. XXII. М. 1992.
- Симченко Ю.Б. Ранние этапы этногенеза народов уральской языковой семьи Заполярья и Приполярья Евразии// Этногенез народов Севера. М. 1980 Соколова З.П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. М. 2009.
- Социальное положение и уровень жизни населения России 2007: Стат. Сб./ Росстат. -М. 2007 г. 41.
- Сухарев А.В. К вопросу о роли этнических условий в нарушении психической адаптации и воспроизводства населения // Этнодемографические особенности воспроизводства народов севера России. М.: ИЭА РАН, 1995.
- Троицкая А.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины. Новосибирск. 2004.
- Туров М.Г. Эвенки. Основные проблемы этногенеза и этнической истории. Иркутск. 2008.
- Федорова Е.Г. Традиционная культура на рубеже тысячелетий// Межэтнические взаимодействия. М. 2006.
- В.И.Хаснулин, Р.Е.Филипченко, А.В.Хаснулина //Питание - основа первичной профилактики заболеваний на Севере. Новосибирск, 1987. С. 42-49.
- Хаснулин В.И. Полярный метаболический тип и подходы к коррекции дизадаптационных и патологических изменений на Крайнем Севере с помощью питания. Новосибирск. 2007.

- Хаснулин В.И., Бойко Е.Р., Хаснулина А.В. Основы традиционных рационов питания коренных жителей Севера //Мат.международной конф.«Медико-социальные проблемы коренных малочисленных народов Севера». Ханты-Мансийск, 2005.-С. 265-267.
- Хаснулин В.И. Обоснование норм здорового потребления обскими уграми рыбы с учетом требований северного типа обмена веществ. Методическое письмо /В.И.Хаснулин, Л.П.Ефимова. 2007.
- Халтаев Н.Г. Питание и факторы риска ишемической болезни сердца у мужчин Чукотского автономного округа./Н.Г.Халтаев, Е.В.Клочкова, А.В.Тихонов и др. //Кардиология, 1984. №4.
- Хамнагадаев И.И. Питание коренного населения Якутии./И.И.Хамнагадаев.
//Актуальные проблемы кардиологии Севера и Сибири: Тез. докл. конф. Красноярск, 1991.
- Хомич. Ненцы. М. Наука . 1976.
- Этническая история народов Севера. М «Наука» 1982.
- Ямсков А.Н. Территории традиционного природопользования в Хабаровском крае//Исследования по прикладной и неотложной этнологии №96, Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1996.
- Хайду П. Уральские языки и народы. М. 1985.
- Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Северной Евразии.. СПб. 1998.
- Харькова Т.Л. Кваша Е. Л. Особенности смертности и продолжительности жизни населения российской Арктики// Влияние глобальных климатических изменений на здоровье населения российской Арктики. 2008. <http://www.unrussia.ru/doc/Arctic-ru.pdf>
- Чашин В. П. Изменения климата и риски вредного воздействия стойких высокотоксичных веществ на здоровье населения в российской Арктике// Влияние глобальных климатических изменений на здоровье населения российской Арктики. 2008. <http://www.unrussia.ru/doc/Arctic-ru.pdf>
- Эрика-Ирена Даес , 1995 «Принципы и руководства по защите наследия коренных народов» - неофициальный перевод.
- ЮНЕСКО 1972 г., Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия - неофициальный перевод.
- Южаков А. Феномен ненецкого оленеводства. «Мир коренных народов - Живая Арктика», №17. М. 2004.
- ACIA, Impact of Warming Arctic: Arctic Climate, Impact Assessment. Cambridge University Press, 2004.
- UNESCO/MOST 2002.Best Practices on Indigenious Knowledge. Joint Publication of the [Management of Social transformations Programme \(MOST\)](#) and the Centre for International Research and Advisory Networks (CIRAN). <http://www.unesco.org/most/bpikpub.htm>
- Bogoslovskaya,L.S. 1996. Role of Whaling in the modern Life of Eskimos and Chukchi in Eastern Chukotka. Report to Inuit Circumpolar Conference (ICC). Preprint. 145 p.
- Kozlov A., Vershubsky G., Kozlova M. Indigenous People of Northern Russia: Antropology and Health. Circumpolar Health/ Supplements. 2007-№1-184 p.
- Usher, Peter J. Traditional Ecological Knowledge in Environmental Assessment and Management // "Arctic". 2000. Vol. 53. № 2 (June). PP. 183-193.
- UNDP Practice Note: Traditional Knowledge, Access to Genetic Resources and Benefit-Sharing
Draft as at 20 December 2004.